

Валерий Ковалев

18+

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

Реинкарнация

роман

Валерий Ковалев
Реинкарнация. Роман

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Ковалев В. Н.

Реинкарнация. Роман / В. Н. Ковалев — «ЛитРес: Самиздат»,
2017

Не бойся смерти, ее нет. Впереди твоя новая жизнь в том же мире, но
другом времени Только без ошибок прошлого и рутины, полная свободы и
приключений. Содержит нецензурную брань.

© Ковалев В. Н., 2017
© ЛитРес: Самиздат, 2017

Валерий Ковалев

Реинкарнация. Роман

**Ваши тела – их сожжет ли костер или времени тленье
Их уничтожит – уже не узнают страданий, поверьте!
Души одни не умрут; но вечно, оставив обитель
Прежнюю, в новых домах жить будут, приняты снова.**

Овидий. «Метаморфозы»

Часть 1. Повторение пройденного

Глава 1. Как я умер и что из этого вышло

За открытым окном лоджии на город опускался сентябрьский вечер, окрашивая все вокруг в причудливые тона, со стороны бульвара доносился шум ползущих вдоль него автомобилей, а я лежал на своей кровати и умирал. Завершая свой жизненный цикл в этом мире.

Изможденный, с седыми усами и головой, я мутно пялился в высокий, с хрустальной люстрой в центре потолок, перебирая край простыни восковыми пальцами.

Вокруг сидела немногочисленная родня. Жена – старушка и дочь с зятем. Внука отправили в деревню к сватам. Дабы не травмировать юное создание созерцанием кончины деда.

На лицах, сидящих у смертного одра, была написана скорбь, приличествующая моменту.

– Может все-таки пригласить попа? – нарушил тишину в комнате зять. – Пусть отпустит грехи, и все такое.

– Не надо, отец был коммунист, – всхлипнула жена. – И похороны без священника. Такова его воля.

– Молодец, старуха, – вяло шевельнулось в мозгу, тут же тая.

Затем на потолке стали отображаться картины моего жизненного бытия. С самого начала и до сейчас. Как в калейдоскопе.

Вот я совсем пацан, босой и в сатиновых трусах, скачущий по траве на палке. А вот в шахтерской каске и робе долблю антрацит отбойным молотком в забое.

Потом забой превращается в надстройку подводной лодки, где я с парнями в ватниках, у которых знакомые лица, отдаю швартовы. За этим, штрихи учебы в Высшей школе КГБ в Москве, блики долгой оперативной, а после следственной и прокурорской работы.

Они пробудили остатки того, что зовется эмоциями, я наморщил лоб и пошевелил высохшими губами.

Жена, наклонившись, что-то спросила, промокнув носовым платком выступившую на моем лице испарину, я тужился ответить, но не успел.

– Дзинь! – лопнула внутри, словно гитарная струна. Все исчезло в пучине мрака.

А затем пауза с сиплым хрипом, ощущение всплытия, ослепительная вспышка света и вид сверху.

Внизу мое тело, рыдающая на груди жена, а рядом бледные дочка с зятем.

– Твою мать! – не поверил собственным глазам, и поискал ими, как же это я над телом?

Кругом пустота. Может я сошел с ума?! (опустил, а затем поднял веки).

Все осталось по – прежнему. Внизу бездыханная оболочка, вверху я. Неосвязаемый и бесплотный.

Более того, теперь я услышал рыдания жены «на кого же ты нас оставил!», тонкое подвывание дочери и успокаивающее бубнение зятя.

Что за черт?! Восстановилось все. Зрение, слух и появилось новое ощущение. Висения в воздухе. Или парения. Сразу не поймешь. И тут меня осенило.

Я – теперь душа! Вышедшая из тела. Как часто показывали на «Рентеви» и писали в «желтой прессе».

А я смеялся. Вот тебе и хухры-мухры. Кому скажи – не поверит!

Осваиваясь в новом качестве, я отвлекся от созерцания того, что внизу, став скользить вдоль потолка. Медленно и плавно.

Не хило, – защелкали в месте, где должна быть голова, временные связи. – А что же там рассказывали шарлатаны от науки? В этом плане?

«Душа отделяется от тела в момент смерти и зависает над ним. В виде сгустка невидимой энергии. Вес нетто – девять грамм. Бывает чуть больше. Объективно воспринимает сверху все вокруг, не проявляя себя во вне» профессионально выдала память из какой-то статьи или передачи.

– Насчет веса – я его не чувствовал, но попытался заявить о себе, громко завопив, – перестаньте выть! Я здесь, над вами!

Реакции внизу никакой. Меня не слышали.

– М-да, дела, – нервно закружил я по периметру вверху, думая, что можно предпринять еще. В мою нынешнюю суть ничего не приходило.

– Ну и хрен с ним – сказал оборотов через пять сам себе, немного успокоившись. – Помер, так помер. Все там будем.

После чего я завис в воздухе меж висюлек люстры (там было тепло) и начал припоминать, что по заявлениям тех, кто вроде как представился, а потом воскрес, должно произойти с душой дальше.

«Какое-то время она будет трепетать над телом, созерцая окружающее (забубнила память), а затем понесется по спирали времени в космические пространства. В состоянии близком к оргазму. Что потом – окутано тайной. Полет оборвут врачи. И вернувшиеся будут помнить только то, успели увидеть».

– Небогато, – вздохнул я, и подумал. – А вдруг дальше, как в Библии?

Прилетишь на место, а там Сам, с апостолами, – добро пожаловать. И «Аз езьм воздам!». В рай точно не попаду, как атеист, да еще партиец. Остается только второе (я пожегся).

– Не ссы! – взбрыкнул во мне коммунист. – Все наши там. Опять же Владимир Ильич и товарищ Сталин. Глядишь, организуем революцию.

Воодушевившись таким образом, я стал, чуть клубиться над лампами (не иначе от тепла) и, как положено, созерцать объективную реальность.

Дочь, уведя жену в зал, усадила ее на диван и стала отпаивать валерьянкой (я это зрел сквозь стену), а зять, встав с кресла, подошел к моему телу.

– Ну, вот и кирдык, тебе батя, – чуть нагнувшись, поправил простыню. – Теперь даже выпить будет не с кем. Всхлипнул.

– Хороший все – таки он мужик, хотя и мент, – расчувствовался я. И тоже проникновенно хлюпнул

Зять между тем вздохнул, и прошел к бару. Извлек оттуда початую бутылку коньяка, набулькал в фужер и высосал до дна. Крякнув.

Я облизнулся вверху. Захотелось тоже.

– Тили-лим-бом-бом! – пропел в прихожей звонок, и дочь, простучав каблучками к двери, отперла замок. Потом второй – в холле. На пороге стоял продувного вида мальй.

– Скорбим вместе с вами, – изобразил он на лице печаль. – Я из похоронного бюро «Ритуал». Полный спектр услуг для вашего безвременно усопшего.

– Витя! – позвала из холла дочь, – промокнув глаза платком. – Здесь по поводу папы!

– Ну? – возник рядом зять. – Чего надо?

Малый повторил, назвав преискурант с ценами и выжидательно уставился на пару.

Витек, так звали зятя, – наморщил лоб, посчитал в уме и удивленно протянул, «однако!». – Да за такие бабки я похороню все ваше бюро! Свободен!

– Молодца! – умилился я, глядя на все с потолка. – Здорово отшил этого барыгу. И ведь, сколько требует, гад! Почти сто тысяч деревянных.

В течение получаса явились еще трое таких и последнего, самого упрямого зять спустил с лестницы.

Кстати, похороны в Москве, это что-то. Не успел гражданин помереть, как ритуальщики тут как тук. Не иначе флюиды. И если раньше переезду равнялся пожар, то теперь – похороны. Дешевле закопаться самому. Без посторонних.

Но в столице все строго по правилам. И расценкам. Иначе зароят как бомжа. Обкуренные госарбайтеры.

– Только вот вам, – незримо изобразил я кукиш. Не на того напали. Хорониться не желаю. Лучше кремироваться. Назло капитализму с бизнесом. Это дело решенное.

Между тем, как говорят, процесс пошел. Переселение в мир иной началось.

Дочь стала обзванивать по мобильнику немногочисленную в Москве родню и нескольких пока еще живых приятелей из бывших чекистов, а потом зять брякнул по «домашнему» в соответствующий отдел Генпрокуратуры. Мол, помер ветеран двух сразу. Союзной и Российской. В которых учинил немало славных дел. Во имя, так сказать, и на благо.

За что полагается упокоение за казенный счет. По полной программе.

Насколько я понял из разговора, на другом конце провода выразили соболезнование и нашли меня в списках, а потом огласили все, что полагалось усопшему по закону. Три похоронных венка, к ним автобус с катафалком, портрет в главном здании на Большой Дмитровке и три должностных оклада.

Далее Витек назвал уже согласованное с женой и тещей время с местом подачи транспорта, после чего умчался на своем «форде» в Николо-Архангельский крематорий, заказать сожжение тела.

К вечеру, облаченные в прокурорский мундир, мои останки с регалиями за службу, покоились в гробу на раздвижном столе в зале. Рядом, прислоненные к стене, пахли хвоей и лавандой несколько поминальных венков с лентами, на которых значилось: «От безутешных родных», «Прокуратуры РФ», «Ветеранов КГБ» и «Сватов Альберта с Ниной». Здесь же, на секретере теплилась свеча, а в смежной комнате по традиции бдила родня, вздыхая и тихо переговариваясь.

Мне мучительно хотелось спать, как известно, душам не чуждо земное, я поерзал в воздухе и завис (он надежно держал), вслед за чем предался Морфею*.

Проснулся на полу. От непонятого шипения. Рядом, напыжившись, стоял любимый кот жены Чубайс, взъерошенный и с дикими глазами.

– Брысь! – по привычке сказал я. Кот с мяуканьем отпрыгнул в сторону, выгнув спину.

На шум из смежной комнаты тут же вошел зять, а за ним дочь и переглянулись.

– Чего это он? – испуганно спросила Рита. Чубайс хлестал себя хвостом по бокам и теперь светил глазами в потолок, куда я воспарил от греха подальше. Душа не душа, вдруг возьмет и сожрет. Коты, особо с такими именами, существа непонятные.

– Не иначе что-то видит, – бормотнул зять. Вслед за чем сгреб рыжего Чубайса за шкуру и выкинул из зала.

Потом Рита сменила очередную догорающую свечу, и они пару минут постояли у гроба. За окном хмуро занимался рассвет, над озером, тянущемся вдоль проспекта висел туман. Сквозь него просматривались высотки Северного Чертанова.

К десяти стали собираться провожающие.

Первыми на своем «боливаре» из деревни приехали сват Альбертыч с женой, оставив внука на попечение соседей.

– Ой, да на кого ж ты нас оставил, родной! – пройдя в зал и сложив руки на пышной груди, заголосила кума у гроба.

– И чего так орать? – колыхнулся я у потолка от легкого сотрясения воздуха.

Чуть позже появились два моих однокашника – один отставной генерал КГБ Саша Зевахин, а второй – капитан 2 ранга Ваня Харин. Оба в темных мешковатых костюмах с орденскими планками и необмятых рубашках с галстуками.

Выразив соболезнование родне, они прошаркали к гробу, остановились и по -военному потупили головы, блестя лысынами.

– Хорошо лежит, как живой, – клацнул вставными зубами Саня.

– Ага, – грузно опираясь на трость, засопел носом Иван. И, чуть наклонившись вперед, добавил, – спи спокойно, дорогой товарищ!

– Уснешь тут с вами, – пробурчал я, поеживаясь от сквозняка, тянувшего со стороны открытой лоджии.

Затем прибыл сослуживец еще по Союзу, полковник юстиции Слава Карпешин, в сопровождении действующего, без пяти минут прокурорского генерала Сережи Рябиженко.

В середине восьмидесятых Рябиженко пришел к нам в управление молодым юристом 1 класса с «земли» а теперь по рангу был помощник Генерального и руководил штатами, которые решают все. По заветам великого Сталина.

Народу становилось все больше: явились подруги дочери с букетами алых гвоздик, а еще три крепких парня в камуфляже с нашивками «ОМОН» на широких спинах (сослуживцы зятя).

– Потом Рябиженке кто-то позвонил и он сообщил, что транспорт прибыл. Женщины тонко завывали.

– Так! – подошел к гробу кум, любящий руководить – Провожающим можно спускаться вниз. Состоится вынос тела.

По паркету, к входной двери, задробили каблуки и зашуршали выносимые венки, квартира вновь стала больше.

Оставшиеся омовцы, по знаку Альбертыча, водрузили на тело с гробом, лакированную крышку, завернув барашки винтов, а зять дунул на свечу и закрыл дверь лоджии.

– Взяли и понесли! – махнул рукой кум, и парни с кряхтеньем повлекли бранные останки на вынос.

– Прощай уютный уголок, – всхлипнул я и незримо вылетел за ними.

На площадке омовцы опустили гроб на кафель пола, Витек запер холл, а кум ткнул пальцем в кнопку лифта.

Внизу загудело, и пришел грузовой. То, что надо.

Я воспарил на свободу в приоткрытую фрамугу окна лестничной площадки, спланировал на усыпанную багряными ягодами рябину у подъезда и приземлился на одну из веток.

Напротив входа стоял черный катафалк, а за ним микроавтобус «Мерседес», у которых топтались провожавшие.

Здесь же, на скамейке, сидели три старухи в платочках, из соседнего подъезда и перешептывались.

Внутри пропела одна дверь, потом вторая, из которой возник Витек, придержав широкую створку, за ним пыхтящие служивые вытащили на руках гроб, последним гордо шествовал Альбертыч.

– Ну вот, я ж говорила што он мент, – наклонилась одна старуха к другой, когда омовцы, запихали гроб в задний проем катафалка.

– Вот тот сухонький, енерал, – заговорщицки изрекла третья. – А который с палкой – моряк. Я их видала с усопшим в форме в прошлом годе, привезли откуда-то усех троих пьяных.

– Это ж надо, все помнят! – удивился я, сидя на ветке. Такое действительно было. Мы тогда здорово поддали на встрече ветеранов, а потом продолжили с Саней и Иваном у меня. Благо жена была в деревне.

– Ну что же, время не ждет – взглянув на наручные часы, отдал команду на посадку распорядитель.

Я вторично спланировал и первым влетел в автоматически отодвинувшуюся дверь автобуса, зависнув в конце уютного, пахнущего кожей и озоном салона. Затем чинно вошли и расселись по сиденьям остальные.

– Едем в Николо – Архангельское, сказал водителю уместившийся рядом с ним зять.

– Понял, – кивнул тот, после чего кавалькада, запустив моторы, тронулась

За катафалком следовал наш автобус, а на выезде со двора к ним присоединился «Рено» с мигалкой.

На его переднем сидении, рядом с шофером, монолитно высился Рябиженко, а сзади сидели жена с дочкой, в темных шалях.

– Молодца, Серега, не зажрался. Приехал проводить старика, – качнулся я у заднего стекла автобуса.

День, между тем, радовал.

Утренний туман давно исчез, в выцветшем осеннем небе зародилось солнце, над Черноморским бульваром, осененным золотом лип и кленов, кружились, опадая, листья.

– Хорошо – то как, – умилился я, пока наша кавалькада тянулась по нему в пробке.

Из открытого окна ползущего рядом с автобусом мастодонистого «лендровера донесло мелодию

Снова гость к моей соседке.

Дочка спит, торшер горит. Радость на лице.

По стеклу скребутся ветки,

В рюмочки коньяк налит – со свиданьи – цем.

Вроде бы, откуда, новая посуда?

Но соседка этим гостем дорожит:

То поправит скатерть, то вздохнет некстати,

То смутится, что неострые ножи...

душевно выводил баритон известного барда Митяева под гитарные переборы, и я почувствовал свою отрешенность от мира. В котором мне теперь не было места.

Потом пробка рассосалась – лендровер рванул вперед, унося песню, а мы вырулили на МКАД* и, прибавив ходу, понеслись в сторону Николо-Архангельского.

Туда прибыли к назначенному часу, въехали на территорию похожего на парк крематория, и встали на площадке неподалеку от ритуального корпуса. Тут же находились еще несколько катафалков с машинами, у которых стояли провожающие.

Время от времени от главного входа подходил малый в черной униформе, и очередная группа начинала движение туда. Конвейер смерти работал четко и отлажено. По законам рынка.

Наш черед наступил спустя еще час, малый махнул рукой – катафалк тронулся. За ним вся процессия. Впереди, под руки, дочь с кумой вели мою старушку, далее следовали остальные. Арьергард замыкали хмурые омовцы с венками, я незримо висел сверху.

Ритуальный, кубической формы зал, впечатлял современным дизайном и размахом.

Льющийся сквозь одну из стеклянных стен дневной свет сочетался с искусственным, в люстрах; черный мрамор пола, с чем-то похожим на постамент в центре, подчеркивал торжество момента; а сверкающие никелем с бронзой техническое устройство напротив, говорило о бренности бытия.

По принципу «оставь надежду, сюда входящий».

В торжественной тишине служители крематория водрузили мой гроб с телом на постамент (при рассмотрении сверху, я понял, что он движущийся), отвинтили крышку и, сняв, поставили в сторону к венкам. Вслед за сем состоялся обряд прощания.

Под звуки тихо льющегося сверху траурного марша Мендельсона, жена с дочкой и зять, поочередно ткнулись в мой в восковой лоб, кума попыталась снова заголосить (на нее шикнули), а остальные с каменными лицами продефилировали вокруг, чем-то напоминая пингвинов.

Далее служители вернули крышку назад, плотно завернув барашки, скорбящих отвели чуть в сторону и постамент – тележка покатила по направляющим вперед. К холодно блестящему металлу устройству.

– Щелк! – раздвинулись в нем створки, гроб уплыл внутрь, и они закрылись

Звуки марша, тая, унеслись (все с облегчением зашевелились), а распорядитель обыденно пробубнил, – прах получите через час. До встречи.

Выйдя на свежий воздух, женщины уселись на одну из скамеек в аллее, рядом с корпусом, мужчины – кто курил, отошли к урне, стоящей под старой липой и предались вредной привычке, а остальные стали прогуливаться по гранитным плитам.

Спустя указанное время Витек принес полученную в колумбарии по квитанции небольшую капсулу с моим прахом, жена, заплакав, прижала ее к груди, и все направились к машинам.

Далее был путь назад, к поминальной трапезе.

Она был заказан в небольшом кафе «Встреча», на Черноморском бульваре, рядом с нашим домом где, выйдя в отставку, я с однокашниками не раз пил водку.

Заведение было тихим, с русской кухней и располагало к философии.

– Вроде знакомое место, – прошамкал генерал Зевахин, когда выгрузившись из машин, все были приглашены внутрь, а ковьявший рядом каперанг Харин утвердительно кивнул, – на прошлый день ЧК мы тут неплохо повеселились.

– Ага, неплохо – хихикнул я, скользя над ними по воздуху. – Едва менты не позабыли. Если б не Вовка Слепнев, тогда еще служивший в президентской администрации, сидели бы в обезьяннике.

На входе нас встретил сам хозяин, как всегда в таких заведениях – сын гор, и, выразив очередное соболезнование, сделал радушный жест к столу, вооруженному в центре зала.

На белой накрахмаленной скатерти были расставлены холодные закуски, парами бутылки с «Немировым» и «Киндзмараули», зелень и фрукты.

Приведя себя в порядок в находящихся рядом туалетных комнатах, все чопорно расселись за столом, а я приземлился на крону стоящей у зеркального окна пальмы в кадке. И приготовился внимать, как меня поминают.

Через пару минут, призывая всех к вниманию, кум Альбертыч встал, побрякал вилкой о салатницу и призвал «наполнить», что мужчины незамедлительно исполнили. Дамам налили в бокалы вина, себе в рюмки водки, омовцам тоже, но в граненые стаканы.

После этого кум взял свою, обвел всех проникновенным взглядом и толкнул речь об усопшем. То бишь обо мне. Добрую и проникновенную.

Затем повлажнел глазами (я на пальме тоже), вздел рюмку вверх «земля ему пухом!» и высосал до дна. Остальные поступили аналогично. Не чокаясь.

Насчет «земли» Альбертыч конечно загнул. Но все равно было приятно.

После того как гости закусили, налили по второй, и слово взял Карпешин.

Он рассказал про то, как я был шахтером и моряком-подводником, а потом о нашей совместной стезе на прокурорском поприще, отметив, что оно потеряло достойнейшего из достойных (я на пальме горделиво надулся), вслед за чем высморкался в носовой платок и потребовал выпить за усопшего стоя. Безутешные родня с гостями, с достоинством исполнили.

Затем, минут через пять, Зевахин толкнул в бок апатично жевавшего Харина, – налей!, тот набулькал им по винному бокалу водки, и однокашник принял эстафету.

Для начала, качнувшись, он взделся над столом, заорав «Товарищи офицеры!».

Почти все мужчины, бывшие в прошлом и настоящем таковыми, поднялись, и Саня тоже выдал речь. О том, как мы учились в ВКШ*, а потом служили операми в КГБ. Где я поймал шпиона, а другие нет. Такое действительно имело место, и ту разработку даже изучали в нынешней Академии ФСБ. Что мне было, естественно, лестно.

– Так пусть же ловит их и там! – ткнул бокалом в потолок Зевахин. Все удивленно переглянулись, но выпили. С генералами, даже отставными, не спорят.

Постепенно обстановка разряжалась: принесли горячее, активнее зазвенели приборы, где-то прошелестел смех и про меня забыли.

Ну вот, – возникло в душе чувство горечи. – Умер Максим и хрен с ним. Обидно.

И тут мои печальные размышления прервала песня.

Ой, да не вечер, да не ве-ечер,

Мне малым мало спалось,

Мне малым мало спало-оо-сь,

Ой, да во сне привиделось!

обнявшись и уткнувшись лбами друг в друга, затянули ветераны контрразведки.

На них тут же зашикали, певцы вернулись в реальность и потребовали дичь. Как в том фильме.

Дичи не было, им положили утки с яблоками, что старых приятелей вполне устроило.

Я же почувствовал какой-то дискомфорт и беспокойно заерзал в листьях. Через минуту он сменился чувством усиления невесомости, а в следующий момент я увидел под собой уплывающей вниз зал, потом зеленую крышу кафе и макушки высоток.

Все убыстряясь, душа неслась в небесную синь, завинчиваемую в спираль, в губительном восторге и свисте ветра.

–р-а-а..! – освобождено вопил я, исчезая в пространстве.

Глава 2. Встреча с Творцом и ее последствия

Вот уже несколько минут, как я плыл в космосе.

Далеко внизу, во времени, голубела оставленная Земля, по орбитам скользили Марс с Венерой, сквозь туманность Андромеды по Млечному пути куда-то проносились метеориты.

Что было впереди, я не знал. Те жмурики, которых врачам удалось вернуть назад, долетали до чего-то непонятного. А потом назад. И давали интервью путано. Или вообще ничего не помнили, поскольку им отшибло память.

В этой связи я чувствовал себя аргонавтом. Вроде Одиссея. Но без «Арго»* и вселенского масштаба.

С каждым парсеком* космический холод спадал, мне становилось уютно и тепло, по курсу наметилось какое-то свечение.

Когда я приблизился к нему, то увидел, что это облака душ, таких же как моя. Неприка-
янных. В бесконечности они стали видимыми, имели абрисы* «гомо сапиенсов» размером с
воробья, а еще призрачно мерцали.

– Это ж надо! – удивился я. – Да тут полно таких «аргонавтов». И попытался прибавить
скорость. Не получилось.

«Не лезь в Матросовы*» сказала внутри военная составляющая души. «Чекист должен
быть с холодной головой» поддержала ее «конторская». Прокурорская с шахтерской молчали.
Не иначе одобряя.

К составляющим я всегда прислушивался и поплыл, пристроившись к симпатичному
женскому абрису. С волнующими земными формами.

– Как зовут тебя, малышка? – послал ему энергетический сигнал.

– Фак ю, – последовало в ответ по-английски.

– Нехорошая какая, – обиделся я. – Плыдем в вечности, а она такое.

Далее я обратил внимание на три, возникших в созвездии Гончих псов, серебристых
объекта, а когда они приблизились, меня очертания и цвет, ахнул.

Это были НЛО, или как их еще называют земляне – летающие тарелки. У крайней справа,
чуть отставшей от остальной массы, стайки душ, все три зависли, словно наблюдая, а потом из
них выплеснулись синие лучи, начавшие всасывать отставших словно пылесосы.

Остальные облака испуганно зажужжали, прибавив ход, а тарелки исчезли, словно их не
было.

– Вот гады, – ускоряясь в толпе собратьев, оглянулся я назад. – Мало что на Земле воруют
людей, так еще и тут умыкают души.

Вскоре все успокоилось, перейдя на плавный полет, и нас подняло еще выше.

Теперь пространство Космоса раздвинулось до величин непостижимых земному уму, в
нем стали четко просматриваться Галактики.

Насколько я помнил из «Занимательной астрономии» Перельмана, они представляли
собой гравитационно-связанную систему звезд и их скоплений, а также газа, пыли и темной
материи.

Все это лучилось непередаваемой палитрой красок, таинственно мерцало и являлось
неизвестной нам формой жизни.

– Лепота! – восхитился я. – До чего же красиво!

Вдруг от одной из Галактик в нашу сторону понеслась искра, все увеличиваясь в разме-
рах.

На подлете она превратилась в голую девку с сумкой и на метле. Я оупел. – Ведьма!

Похожая на актрису Аню Ковальчук из Булгаковского «Мастера и Маргариты» в поста-
новке Бортко, она стала облетать наше облако словно пастух. Хохоча и подмигивая мужским
душам.

Несколько купились, рванув к ней и хап-хап-хап, ведьма смахнула их в сумку.

– Прощайте, убогие! – сделала остальным ручкой и унеслась. Сексапильно виляя попкой.

– Не иначе продаст черту, – подумал я. – Красивая сучка.

Экскурсия по Космосу мне нравилась все больше, с такими чудесами. Так бы плыл и
плыл, восхищаясь ими, удивляясь и созерцая небывалое.

Но, как известно на Земле, все хорошее имеет начало и конец. Здесь эта аксиома тоже
действовала.

Впереди, возникла черная дыра, закрывая собой все пространство.

О наличии таких в Космосе, я знал из научных публикаций, которые гласили: «Черная
дыра, есть область в пространстве – времени, гравитационное притяжение которой настолько

велико, что покинуть ее не могут даже объекты, движущиеся со скоростью света, в том числе кванты самого цвета». Это явление предрек еще Эйнштейн, который, как известно, был гением.

Затем его теорию развили другие ученые мужи, обосновав математическими выкладками на основе наблюдений, откуда следовало, что эти «дыры» по сути – пустое пространство. Горизонт событий очерчивает собой границы их гравитационного влияния.

В центре нашей Галактики находится самая большая Черная дыра в семь миллионов раз массивнее Солнца, соответственно на планете, вращающейся вокруг звезды, которая находится близко к этому объекту, она будет выглядеть как [большой черный круг](#).

Ядром Черной дыры является сингулярность – область размером с атом с бесконечной плотностью и массой.

На данный момент зафиксировано, что некоторые звезды могут приближаться к горизонту событий центральной Черной дыры на расстояние один световой день – в пять раз дальше, чем Нептун находится от Солнца.

Черная дыра является этапом в жизни звезд. Наше Солнце не сможет стать Черной дырой, в конце своего существования оно станет Белым карликом – сверх плотным объектом размером с Землю. Более массивные звезды превращаются в пульсары или в нейтронные звезды – их плотность на порядок выше, а размеры сопоставимы с размерами небольшого города – десять километров в диаметре.

Кубический сантиметр вещества нейтронной звезды будет весить миллиарды тон. Звезды, чья масса в три и более раз превышает массу Солнца, в конце своей жизни становятся Черными дырами, когда происходит разрушительной силы взрыв сверхновой и выбрасываются внешние слои звезды, а ядро под действием силы гравитации сжимается до размеров атома.

Эти монстры пока обнаружены косвенно, наблюдать их можно только с близкого расстояния. Сверхмассивные Черные дыры находятся в центрах многих галактик. А число небольших, по оценкам в нашей, может быть несколько миллиардов.

– Где-то косвенно, а у нас наяву, – с опаской подумал я, чувствуя: при наличии пяток, душа бы ушла туда. Однако, таких, в наличии не имелось.

А Дыра меж тем стала еще апокалиптической, превратившись в Глаза. Огромные, пронзительные и живые. Ставшие наполнять собой Галактику.

Я почувствовал земное присутствие мурашек на оболочке и тихо вякнул «мама». Краем же зрения уловил, что другие души тоже заволновались. Их облака сбились теснее и завибрировали, а многие шарахнулись по сторонам, пытаясь улизнуть. Но не тут-то было.

Глаза, пронзая, охватили всех, гипнотизируя и парализуя волю, что-то подсказало мне, что это ОН, и я затрепетал в священном ужасе.

– Здравствуй, сын мой, – во вселенской тишине уставились в меня глаза. Приблизившись почти вплотную. – Ты знаешь, кто перед тобой? Ой-ой-ой! – громом раскатилось по Космосу

– Кажется, – пролепетал я. – Т-ты Творец? – и попытался изобразить почтение.

– Не дурак, – чуть дрогнули веки. – А кто будешь ты?

– Вроде как душа, – сглотнул я слюну. – Без тела.

– Истину глаголишь, – увидел свое отражение в бездонных зрачках. Словно отблеск в зеркале.

Между тем, вокруг, попискивая, тряслась масса других душ. По видимому одновременно разборка шла со многими. Типа коллективного сеанса. Одни (таких были единицы) искрами периодически взмывали вверх, большинство рушились вниз, в сторону стратосферы*, а некоторых Глаза растворяли в себе. Подобно крупинкам сахара в чае.

Не иначе отправляет в рай с адом и обращает в пыль, – шевельнулось мозгу. – Мне светит только два последних.

– Точно, – изрек Творец. – Воздаю по заслугам вашим. Почему не веришь в Господа?! (повысил голос)

– Я считаю, его придумали хитрецы. Из древнего мира, – вякнул я, подумав «пропадать, так с музыкой».

– Всему свое время, не спеши, – прочли Глаза мои мысли. – Зачем им это?

– Чтобы окучивать паству, возвеличивать себя и вкушать мирские блага, – ответил я. – По Святому писанию Бог во всех его проявлениях сир и наг. Его же наместники на земле, которыми они нарекли себя – в золоте и гордыне.

– Дальше.

– Практически все религии погрязли во лжи, ханжестве и стяжательстве.

– Тому есть примеры?

– Ты сам все знаешь.

– Я спрашиваю! Отвечай! – вновь раскатилось по Вселенной эхом.

– Взять христианство, – переждав, пока оно затихнет, – смиренно продолжил я. – Ссылаясь на Тебя, Папы Римские учинили множество крестовых походов «за гроб Господень», а фактически братоубийственных войн против других народов.

Они же, прикрываясь твоим именем, жгли на кострах инквизиции лучших людей своего времени. Тех же Джордано Бруно, Яна Гуса, Галилея и Коперника.

Иудеи, о чем сами признались в Библии, распяли твоего Сына на земле, а потом стали ему ханжески поклоняться; отняли «землю обетованную» у народов пустынь, где избивают их поныне.

Недалеко ушли и последователи Пророка на Востоке, объявив священный джихад «неверным», учиня теракты по всему миру и строя на крови Исламское государство.

– Все не по тебе, – хмыкнул Творец. – Святотатствуешь! А что имелось в виду под словом «практически?»

– Буддизм, – без колебаний ответил исповедуемый. – Древнейшая из религий.

– И что ты о ней знаешь?

– Многое, – ответил я.

– Излагай, – приказал Творец. – Послушаю.

Я, было, снова хотел сказать, что Он сам все знает, но не стал. Когда еще побеседую с самим Творцом? И начал.

– Буддизм зародился в середине первого тысячелетия до нашей эры на севере Индии как течение, оппозиционное господствовавшему в то время брахманизму.

К середине шестого века до нашей эры индийское общество переживало социально-экономический и культурный кризис. Распадались родовая организация и традиционные связи, происходило становление классовых отношений.

В это время в Индии было немало бродячих аскетов, они предлагали свое видение мира. Их противостояние существующим порядкам вызывало симпатии народа. Среди учений подобного рода был и буддизм, который приобрел наибольшее влияние в обществе.

– Не все точно, но, в принципе верно, – прогудел Творец. – Давай, излагай дальше.

– Большинство исследователей считают, – воодушевился я, – что основатель буддизма был реальной личностью. Он являлся сыном главы племени шакьев, родившимся в 560 году до нашей эры на северо-востоке Индии.

Предание гласит, что индийский царевич Сиддхартха Гаутама после беспечной и счастливой молодости остро ощутил бренность и безысходность жизни, ужас перед идеей о бесконечной череде перевоплощений. Он ушел из дому, для того чтобы, общаясь с мудрецами, найти ответ на вопрос: как можно человеку освободиться от страданий.

Семь лет путешествовал царевич и однажды, когда он сидел под деревом Боддхи, на него снизошло озарение. Он нашел ответ на свой вопрос.

Имя Будда означает «просветленный». Потрясенный своим открытием, юноша просидел под этим деревом несколько дней, а затем спустился в долину, к людям, которым начал проповедовать новое учение.

Первую свою проповедь он прочел в Бенаресе. Сначала к нему примкнули пять его бывших учеников, которые отошли от него, когда Будда отказался от аскетизма. Впоследствии у него появилось множество последователей. Идеи были близки многим. В течение сорока лет Будда проповедовал в Северной и Центральной Индии.

– И что же он проповедовал, этот самый Будда? – смежил веки Творец. – Что тебе так понравилось.

– Основные истины, о, Великий, – почему-то сказал я высоким штилем. Наверное, сказывалось присутствие духовного.

– Какие?

«Вся жизнь человека – страдания» – назвал я первую. – Она основана (продолжил) на признании непостоянства и преходимости всех вещей.

Все возникает, чтобы быть уничтоженным. Существование лишено субстанции, оно само себя пожирает, поэтому в буддизме обозначается в виде пламени. А из пламени можно вынести только скорбь и страдание.

– Резонно, – изрек Творец. – Продолжай.

– Истина вторая «Причина страдания – наше желание». Страдание возникает, потому что человек привязан к жизни, он жаждет существования. Поскольку существование наполнено скорбью, страдание будет существовать до тех пор, пока человек будет жаждать жизни.

На это он промолчал, и я перешел к третьей.

«Чтобы избавиться от страдания, нужно избавиться от желания». – Это возможно только в результате достижения нирваны, которая в буддизме понимается как угасание страстей, прекращение жажды. При данном состоянии освобождаются от переселения душ. В позднейшем буддизме нирвана понимается как блаженство, состоящее в свободе и одухотворении.

– Точно, – едва слышно прошептал Творец и захрапел. Как простой смертный.

– Вот это да, – прошептал я, прекратив излагать. – Умаялся, бедный.

– Давай – давай, – сонно бормотнул Всевышний. – Я все слышу.

«Чтобы избавиться от желания, нужно следовать восьмеричным путем спасения» изрек я, очередную. – Именно определение этих ступеней на пути к нирване и является основным в учении Будды, которое называют срединным путем, позволяющим избежать двух крайностей: потакания чувственным удовольствиям и истязания плоти. Это учение называют восьмеричным путем спасения, потому что оно указывает восемь состояний, овладев которыми человек может достичь очищения ума, спокойствия и интуиции.

– Ну и что же это за состояния? – вновь открылись Глаза и послышался зевок. Галактика дрогнула, сверху сорвались несколько звезд, и, прочертив мрак, исчезли.

Вот они, – переждав сотрясение, начал я перечислять, колыхаясь в невесомости.

– правильное понимание: следует поверить Будде, что мир полон скорби и страданий;

– правильные намерения: надлежит твердо определить свой путь, ограничить свои страсти и стремления;

– правильная речь: требуется следить за своими словами, чтобы они не вели ко злу – речь должна быть правдивой и доброжелательной;

– правильные поступки: следует избегать недобродетельных поступков, сдерживаться и совершать добрые дела;

– правильный образ жизни: надлежит вести жизнь достойную, не принося вреда живому;

– правильные усилия: требуется следить за направлением своих мыслей, гнать все злое и настраиваться на доброе;

– правильные помыслы: необходимо уяснить, что зло – от нашей плоти;

– правильная сосредоточенность: следует постоянно и терпеливо тренироваться, достигать умения сосредоточиваться, созерцать, углубляться в поисках истины.

Первые две ступени означают достижение мудрости или праджня. Следующие три – нравственное поведение – шила. И наконец, последние три – дисциплина ума или самадха.

Однако эти состояния нельзя понимать как ступени лестницы, которую человек осваивает постепенно. Здесь все взаимосвязано. Нравственное поведение необходимо для достижения мудрости, а без дисциплины ума мы не сможем развить нравственное поведение. Мудр тот, кто поступает сострадательно; сострадателен тот, кто поступает мудро. Такое поведение невозможно без дисциплины ума.

В целом же можно сказать, что буддизм принес в религию личностный аспект, которого ранее не было в восточном мировоззрении: утверждение о том, что спасение возможно только благодаря личной решимости и готовности действовать в определенном направлении.

Кроме того, в буддизме достаточно четко прослеживается идея о необходимости сострадания ко всем живым существам – воплотившаяся впоследствии в другие, но не нашедшая там своего разрешения, – завершил я и стал ожидать реакции Творца.

Сонность Глаз перешла в задумчивость, они сказали «все так», а потом над одним вскинулась бровь, и я услышал, – да ты не атеист сын мой, а приверженец буддизма.

– Наверное, – вздохнул я. – К сожалению, поздно это понял.

– И когда?

– В своих последних командировках. В Бурятию и Монголию. Там побывал в дацанах*, имея беседы с ламами. Достойные проповедники.

– И чем они тебе глянулись?

– Живут в своих голубых степях скромно и открыто. Учат заветам Будды, пьют водку, любят женщин и поют горловые песни.

– И если бы у тебя была другая жизнь, ты, наверное, хотел бы стать ламой? – хитро прищурились Глаза.

– Другой жизни не бывает, как учит марксизм-ленинизм – убежденно сказал я. – Ну а если бы была, отправился в Тибет, где стал пророком.

– Интересно, – озадаченно протянул Творец. – И зачем тебе это надо?

– А чтобы окучивать людей, – брякнул я. – Во имя Господа, так сказать и на его славу.

– Замолчи! – посуровели Глаза. – Чи-чи-чи... – затихая, раскатилось в Космосе.

– Не поминай Меня всуе, – дыша ледяным холодом, придвинулись вплотную.

– Виноват, – съежилась душа. – Прости меня грешную. Я больше не буду.

– То-то же, – прогудело в ответ – Думай, с кем говоришь, тля. – А теперь прощай. Не поминай лихом.

В тот же момент Глаза закружились, всасывая, и я понесся по Черной дыре, в адской какофонии чых-то криков, смеха, плача и стенаний.

– Кирдык, – пронеслось в мозгу. Сознание угасло.

Глава 3. В новом теле

-Уа-уа-уа! – назойливо пищало где-то рядом. Я чихнул и размежил веки, возвращаясь в реальность

– Не иначе ад, – бледно всплыло в мозгу общение с Творцом, а потом напутствие и дьявольский полет в Черной дыре Космоса.

– Но почему так тесно, и кто там пищит, в размытом пятне света?

– Щелк, – лопнуло в ушах, пелена спала с глаз, и вверху возник белый квадрат потолка с тихо жужжащей в нем люминесцентной лампой. А чуть ниже квадрат стен, блестящих кафелем, с филенчатой дверью напротив.

– Непонятно – забеспокоился я, скосив глаза влево, откуда исходил неприятный звук и увидел рядом в ячейках двух запеленатых младенцев. Один, что ближе, спал, а который за ним, извивался и пищал, время от времени взбрыкивая в своей пеленке.

– Что за черт? – усилилось чувство тревоги. Я перевел взгляд вправо – там посапывали еще трое. Опустил глаза до упора вниз, пытаюсь рассмотреть себя – увидел оконечность кокона.

– Я тоже младенец! – прожгла ужасная догадка. – Зачем? Не хочу! Уа-уа!! – заорал благим матом.

Через пару минут дверь открылась, на пороге возникла толстая усатая тетка в белом халате, и я поперхнулся плачем.

– Ну что? Опудырились засранцы? – хмуро взглянула на ячейки, прошаркав к ним тапками.

Через секунду у нее в руках оказался пищавший слева индивид, с которого была сдернута мокрая пеленка; толстуха ловко обернула его второй, взятой из-под ячейки, вернула на место и направилась ко мне. Явно с такими же намерениями.

– Ты смотри, сухой, – сказала сама себе, пощупав меня снизу. – Тогда чего орал? Жрать хочешь?

Я молчал и пялился на нее выпученными глазами. Еще не веря в объективную реальность.

– Лупатый какой, не иначе еврей, – сделала умозаключение тетка. – Терпи, кушать будете в двенадцать. И взглянула на мужские наручные часы. Я разглядел надпись под стеклом «Кама».

После этого она удалилась, ворочая объемной кормой. Хлопнула дверь. Все стихло.

– Пу-у, – издал во сне звук мой сосед справа. В воздухе запахло сероводородом.

– Гребаный Творец! – понял я, куда попал. Это явно был роддом. Куда меня вернули назад, к новой жизни.

И кто его просил? Жить на Земле я не хотел. Разве что в другом измерении. А теперь все начинать по новой. Ползать, затем ходить, чему-то учиться и работать. У меня выслуги тридцать пять лет. На хрена мне это надо?!

От злости и бессилия я стал кряхтеть, пытаюсь вылезти из пеленок, чтоб сбежать. Не получилось.

Затем в мозгу проявился бывший чекист, дав посыл «не суетись под клиентом». Его поддерживала прокурорская часть «куда ты сбежишь – дурень», а морская с шахтерской рассмеялись, – «картина Репина «Приплыли!».

– Молчите курвы, – подавил я их в себе. – Вам хорошо внутри. А какового мне, тут? Снаружи?

Далее, посчитав до десяти, успокоился, вняв советам, и подумал: – кто же теперь мои родители? Если те, что раньше, то еще ничего. Они были достойными людьми. Любили меня и я их тоже. А ну как какие алкаши, расхитители соцсобственности или что еще хуже, наркоманы?

– Ладно, подождем, – удобнее устроился в своей пеленке. – В двенадцать будут кормить, и я увижу, кто мамуля.

Когда приглушенное казенными шторами на окне, солнце повисло в зените, где-то за дверью послышался стеклянный звон, и она распахнулась.

Сначала в помещение въехала блестящая никелем тележка, с увенчанными сосками бутылочками с молоком в ячейках, а за ней, толкая сооружение вперед, с волнующими формами молодая девица. В сопровождении уже знакомой мне усатой тетки.

Обе-ед сиротки, просыпайтесь! – пропела она, и мои соседи зашевелились.

– Какие еще сиротки? – не понял я. Женщины, между тем, стали извлекать из ячеек корм, а по сторонам начали пыхтеть и чмокать.

Я тут же почувствовал ужасный голод (не ел с момента кончины) и громко заорал. Требуя свою долю.

– На-на, горластый, – пихнула мне в рот соску заботливая рука. – Ум-ум-ум, – стал я жадно сосать, жидкую манную кашу. Она была ничего, только сахарку маловато.

А новенький как с голодного края, – сказала пожилой напарнице молодая, наклонившись над секцией и кормя с обеих рук меня и соседнего младенца.

В вырезе халата над моим лицом колыхалась пышная грудь, и, не переставая сосать, я радостно агукнул.

– А глазки-то, глазки у него шельмовские, – снова пропела молодая, обращаясь к старшей.

– Не иначе мать была гулящая, – брякнула та в тележку очередную пустую бутылку. Вслед за чем извлекла полную.

Как только кормление закончилось, два младенца тут же отсырели (им сменили пеленки), и я тоже почувствовал, что хочу «пи-пи». Начав кряхтеть и извиваться.

– Никак, сам просится? – рассмеялась молодая нянька, после чего обнажила меня и, взяв на руки, отнесла к стоящему под умывальником в углу детскому горшку в цветочек. Куда я с облегчением пустил струйку.

– А причандалы у него ничего, – продемонстрировала меня старшей.

– Кобель будет, – скользнула усатая по ним взглядом. – Да не плюйся ты, охламон! – прикрикнула на довольно жужжащего младенца.

Потом я был возвращен на место и крепко спеленат, вслед за чем няньки ушли, бренча своей тележкой.

Мои соседи тут же засопели носами, попукивая, но мне не спалось. В мозгу роился целый сонм* мыслей.

Что значит «сиротки»? Это шутка или нет? И где наши мамы? Как мне вести себя впредь? И что делать дальше?

– Хрен проссышь, – подумал я и услышал свой голос. – Неужели умею говорить? (удивился). А потом отдельно произнес «ре-ин-кар-нация». Вышло вполне, хотя и пискляво.

– Не хило, – мелькнуло в голове. – Помню все что было, плюс умею говорить. Я, наверное, самый продвинутый младенец в мире.

Судя по разговору нянь, нахожусь в России. Вот только смущали часы «Кама» на руке старшей. Такие я видел у отца, когда был пацаном. В той, прошлой жизни.

А выпячиваться, что умею говорить и все прочее, нельзя. Чревато. Понаедут ученые, как всегда бывает в таких случаях, начнут изучать и не давать покоя. А то еще хуже – коллеги из бывшей «конторы», там всегда интересуются всем необычным. Увезут в один из своих секретный НИИ* и пиши, пропало. Точно сделают дебилом.

Затем мысли стали путаться (после еды от мозга отлила кровь, начался процесс пищеварения), я протяжно зевнул и уснул. Ужин обеда мудренее.

На следующее утро, перед завтраком, те же няньки водрузили нас на прикаченную с собой каталку, застеленную клеенкой, и вывезли из палаты.

Проехав по длинному коридору с еще несколькими, где в одних ползали малыши, а в других играли дети постарше, мы очутились в грузовом лифте, вознесшем нас этажом выше.

Там, в большом светлом кабинете, с холодно блестящей медтехникой, нас уже ждали. Длинный мужик с бородкой, в колпаке и накрахмаленном халате (вылитый Айболит), а при нем очкастая дама, в таком же. Накрашенная и с толстым журналом в руках. Наверное, медсестра или ассистентка.

– Нутес – нутес! – прокаркал Айболит. – Как тут будущие строители коммунизма? После чего приказал нянькам распеленать доставленных (все мы радостно заболтали освобожденными конечностями) и приступил к осмотру.

Пока он делал это, начав с крайнего, я внимательно осматривался, пытаюсь определить, куда попал и в какое время (возникли некоторые подозрения). Так было легче определиться с будущим, которое меня ждало.

Над столом Айболита, за которым он до этого сидел, сбоку, висел портрет Дарвина – основателя теории происхождения человека. А в простенке меж двух больших окон, против входа, второй. Товарища Сталина с ребенком на руках, и надписью «Спасибо за счастливое детство!».

– Неужели культ личности? – вспотел я, став лихорадочно искать глазами еще что-нибудь. В подтверждение. Оно оказалось почти рядом.

Это был настенный отрывной календарь на шкафу со скелетом, в паре метрах от каталки. 1952 год – приблизило зрение черные цифры на белом листке. И ниже – 20 мая.

– Мистика! – запульсировала кровь в ушах. В прошлой жизни я родился именно в этот год! Правда, 20 – го апреля.

От возбуждения я хаотично замахал конечностями, а затем, поймав ручкой ножку, сунул ее пальцы в рот и принялся, урча, жевать их беззубыми деснами.

– Так. А это что за каннибал? – подошел ко мне Айболит, закончив с очередным младенцем.

– Это новенький, Лев Ильич, – заглянула медсестра в свой талмуд*. Милиция нашла вчера в пять утра. Подброшенным на паперть Свято-Троицкого собора.

– Тэкс, – вздел меня руками врач и стал внимательно рассматривать.– По виду будет месяц. Вслед за чем проскрипел ботинками к окну и положил объект исследования в лоток медицинских весов. Задвигав пальцем блестящую гирьку на штативе.

– Вес четыре шестьсот, – констатировал он, а потом измерил тельце. Рост составил пятьдесят четыре сантиметра.

– Точно как в аптеке, – довольно изрек эскулап, обращаясь к сестре. – Так все и запишите Роза Марковна. А днем рождения этого бойца (пощекотал мне пятку) будем считать двадцатое апреля.

– Да, знает свое дело, – распылил я на Айболита глаза. И стал довольно пускать ртом пузыри. Приятно точно знать, когда ты родился.

После окончания осмотра нас вывезли в коридор (очкастая Роза Марковна вышла вместе с нами), и у обитой черным дерматином двери кабинета с табличкой «Заведующий», каталка остановилась.

Роза Марковна взяла меня на руки, кивнув нянкам, «едьте дальше», после чего потянула дверь на себя, и мы оказались в темном тамбуре.

Удобнее устроив меня на левой руке, она постучала костяшками пальцев правой во вторую, деревянную. За ней глухо раздалось «войдите».

Мы шагнули в интерьер начальственного кабинета, обставленного казенной мебелью. В одном углу стоял черной кожи продавленный диван с подлокотниками в виде валиков, а рядом шкаф, в другом – перистая, с волосатым стволом, пальма в кадке. Между ними, у торцевой стены с портретом «отца народов»*, находился стол с крышкой зеленого сукна, на которой чернел прошлого века телефон, и остывал подстаканник с чаем.

За столом, просматривая лежавшую на нем «Правду», сидел борцовского вида мужик, чем-то похожий на Котовского*.

– Поздравляю Роза Марковна! Заканчиваем канал Волга-Дон! – громко изрек он, подняв на нас оловянные глаза и блестя лысиной. – С очередной, так сказать, победой социализма!

После чего хлебнул из подстаканника, кивнув на один из стульев. – С чем пришли? (откинулся в мягком кресле).

– С новым его строителем, Василий Кузьмич – в унисон ответила сестра, присев. – Которого накануне доставила милиция. Вы в курсе.

– И как он в медицинском плане? – критически обозрел меня «Котовский». – Не debil? Все в порядке?

Я обиделся, капризно надул губы и попытался в него плюнуть. Не получилось.

– Прекрати, – строго взглянула на меня Роза Марковна. И к заведующему, – надо дать ребенку имя с фамилией.

– Надо, – пробасил тот, после чего уставился в потолок. Я тоже. Искомое там не наблюдалось.

Обследовав пустоту, в которой одиноко жужжала муха, Василий Кузьмич опустил взгляд вниз, и в его поле зрения попала газета.

– Назовем младенца Лазарь, как Кагановича, – ткнул пальцем в передовицу. – А фамилия пусть будет Донской. В честь канала. Ну, как вам? – взглянул на Розу Марковну.

– Гениально! – изобразила та восторг на лице, а я надулся. Имя с фамилией мне не нравились. Но что делать, выбирать не приходилось.

Между тем заведующий извлек из ящика стола бланк, аккуратно вписал туда вечной ручкой* «Лазарь Донской», а еще дату рождения, сообщенную медсестрой, прилепнув все гербовой печатью.

– Держите, – передал ей бланк. – В ЗАГСе получите свидетельство.

В это время затрещивал телефон, заведующий снял трубку.

– Вы ошиблись гражданин, – послушав, сказал в нее. – Это Симферопольский Дом ребенка.

После чего брякнул ее на рычаг, махнув нам рукой, – свободны. И снова углубился в газету.

Так я был легализован в новой жизни. Сиротой Лазарем Донским. В учреждении социального типа.

Потекли безрадостные дни. Взрослого ума в юном теле.

Шесть раз в сутки нас кормили манной кашей за казенный счет, меняли пеленки и мыли; раз в неделю возили на взвешивание с осмотром, а еще делали какие-то прививки, и все это время (кроме сна) я думал.

О своем будущем и месте в новой жизни.

С учетом места возвращения и прошлых знаний в этом вопросе, радужными они не казались.

Здесь меня продержат до трех лет, а затем передадут в сиротский приют. Где дадут какое-нибудь образование. А потом в большую жизнь. На стройки народного хозяйства. Что категорически не устраивало. «Светлое будущее» мы проходили. Больше не хотелось.

– А где ж твой патриотизм? Спрашивал во мне в такие минуты чекист. – Нужно крепить мощь и безопасность государства.

– И блюсти Закон, – поддакивал прокурор. – Опять же, Кодекс строителя коммунизма.

– Какая мощь?! Какой закон?! – возмущался внутри моряк. – Это все теперь принадлежит олигархам!

– Точно! Поддерживал его шахтер, тихо ругаясь матом.

Я прислушивался ко всем четверым, но знал, что правы последние двое.

Снова верить, напрягаться и пахать, чтобы потом оказаться в капиталистической России? Где, как говорят в известных кругах, «один смеется, сто плачут»?

– Вот вам хрен! – лежа в распашонке, сжимал я кулачек левой руки и хлопал по локотку правой, – Мы пойдем другим путем, как завещал товарищ Ленин!

Постепенно в мозгу складывался и этот самый путь, а точнее план. По опыту оперативных разработок, в свое время. Учили меня будь здоров, да и практика была изрядная.

Для начала ничем особенным себя не проявлять. Младенец – и младенец. Как глубоко законспирированный агент. Легший «на дно». Или подводная лодка.

Когда же пойду в первый класс, где начну учебу, показать высокие знания и попасть в школу – интернат для одаренных сирот. Такие были в СССР в Москве, Ленинграде и, кажется, Киеве.

Оттуда поступить на языковой факультет Высшей школы КГБ в Москве, где я когда-то учился, закончить его и определиться в Особый отдел советской группы войск, дислоцирующихся в соцстранах. Или, если повезет, в заграничную резидентуру ПГУ, смотрящим*.

А потом по умному исчезнуть, свалив «за бугор». Где самореализоваться. Тот кто владеет информацией – владеет Миром. А у меня была информация о будущем. Стратегическая. До момента кончины.

От столь захватывающих перспектив шли пупырышки по коже, Лазарь Донской начинал довольно пускать слюни, болтать в воздухе ручками с ножками и агукать (я вам всем покажу, курвы!).

Как известно каждому оперативнику, следователю или прокурору, успешная реализация любого плана кроется в точно выверенных деталях.

На первом этапе для меня таковыми были: глубокая конспирация, активное биологическое развитие и воссоздание в памяти всех случившихся в мире важных событий конца двадцатого – начала двадцать первого веков; на втором, превращение в ребенка – индиго*, со всеми необходимыми мне последствиями.

Как говорится в современной русской поговорке «куй железо не отходя от кассы», что я и принял к исполнению.

Для начала стал требовать больше каши, начиная орать, когда пайковая заканчивалась. Усатая нянька, ее звали Петровна, как правило бурчала «перебьешься» и требование не выполняла. А вот молодая – Люся, наоборот.

– Кушай, кушай маленький, – ласково говорила она, меня опорожненную бутылочку на полную.– В этой жизни надо быть сильным.

– М-м-м, – довольно чмокал сирота, высасывая дополнительные калории.

Результаты не замедлили сказаться. Я активно набирал вес с ростом, что регулярно отмечалось на осмотрах.

– Шахтер будет, или металлург, – заявлял Лев Ильич (он же Айболит), и одобрительно шлепал объект по голой попке.

– Вот уж хуюшки, – хитро узил я глаза, пытался уцепить его ручонкой за бороду.

А когда просыпался по утрам, под пение Гимна из радиоточки в коридоре, выполнял комплекс укрепляющих мышцы упражнений. Благо ночная нянька всегда куда-то исчезала, а собратья по сиротству мирно сопели носами в своих кроватках.

Как итог, по достижении шести месяцев меня перевели в ясельную группу, где поползав три дня, я встал на ноги, а на четвертый сцепился за погремушку с годовалым орлом. Нянька вовремя растащила.

Здесь же я впервые влюбился. В девочку Таню, старше меня месяца на три. Она была с золотистыми волосиками, голубоглазая и всегда грустила. Стоя в стороне или сидя на паласе, сложив на животике ручки.

Как знакомиться я знал, для чего спер из кармана задремавшей воспитательницы шоколадную конфету (нам таких не давали, только по праздникам карамельки), проковылял к Тане и сунул ей в ладошку, – ня!

– Оля-ля, – удивленно вскинула девочка бровки, рассматривая подарок, затем развернула пальчиками бумажку, откусила половину, а вторую протянула мне. Что-то чирикнув.

Мы с удовольствием сжевали конфету, измазавшись в шоколаде, в результате моя кража была вскоре вычислена воспрявшей от сна потерпевшей, и злодей, получив шлепок по казенной части, был водворен в угол. Все по Макаренко.

Таня тут же проковыляла туда, чмокнула меня в щеку и встала рядом.

– Едва ходить научились и уже такое! – сделала большие глаза педагог. – Куда мы катимся?

Уже в это время, с нами начали первые занятия. Учили самостоятельно пользоваться горшком и умываться, некоторым человеческим словам и ходить парами в строю, взявшись за руки. А еще петь хором, типа «ля-ля-ля», под аккордеон в игровой комнате.

Поскольку для Лазаря это были семечки* и он быстро все усвоил, от занятий мальчика освободили и стали развивать дальше. Еще с двумя такими. Разрешив им малевать цветными карандашами на бумаге индивидуально.

Это время, как и после отбоя, в кровати, я стал использовать для воссоздания в памяти знаменательных мировых событий, о которых знал из прошлой жизни. Для использования их в будущем. Естественно в меркантильных целях. А как иначе? Служить государству, в любой его форме, я больше не желал, как и всякому другому хозяину. Целью была свобода с независимостью, при достойной материальной базе. Все почти по Марксу. Или Томмазо Кампанелле. С его «Городом солнца».

Память у меня осталась профессиональной, с учетом прошлого рода занятий.

И даже улучшилась, принимая во внимание омоложения организма.

С помощью внутренних составляющих воссоздалось практически все необходимое. С датами, местами и содержанием. Все это я привычно систематизировал и упрятал в глубины мозга. До поры до времени.

Между тем, спустя несколько месяцев, новая жизнь нанесла будущему «человеку Мира»* первый удар на любовном фронте. Девочка Таня мне коварно изменила. Хотя до этого наши чувства росли и ширились. Мы часто играли вместе, ковыляли по комнате взявшись за руки и шепча друг другу нежные слова типа «цаца» и другие, не поддававшиеся расшифровке.

В группе был мальчик, которого изредка навещала бабушка, приносящая для внука гостинцы: шоколадные конфеты, пирожные и даже фрукты

После одного такого посещения, возвращенный со свидания воспитательницей Женя, так звали мальчика, державший в руках мандаринку, подошел к нам с Таней (мы изучали устройство куклы). Затем, улыбаясь во весь беззубый рот, протянул оранжевое чудо моей пассии*.

Та широко раскрыла глаза, издав крик восторга, осторожно приняла, и ответно улыбнулась.

Мне это не понравилось, я пнул соперника ногой, тот заплакал и упал, а Таня, подойдя ко мне вплотную, отдельно сказала «ти кака».

С этого момента она стала отдавать предпочтение Жене, у которого регулярно появлялись сладости и фрукты. Так я впервые в новом качестве, познал женское коварство.

Глава 4. Как Лазарь стал Никитой

Шел год тысяча девятьсот шестьдесят первый. Лазарь Донской, то бишь я, учился в третьем классе школы-интерната для сирот №3 города Симферополя.

Давно почил в бозе отец всех советских детей товарищ Сталин, Страной правил Никита Сергеевич Хрущев.

Вершились очередные стройки коммунизма, везде, где можно, сеяли кукурузу, а я воплощал в жизнь очередную часть своего плана. Настойчиво и целеустремленно.

Получалось неплохо.

Воспитанник Донской был круглый отличник, лучший спортсмен младших классов и отличался примерным поведением.

Это, при наличии прошлого багажа знаний и навыков, было совсем не трудно и даже увлекательно. Но приходилось себя сдерживать. Я мог, естественно, больше, но делать этого пока не хотел. По известным причинам.

Однако ребят с высоким уровнем знаний, в интернате было достаточно. Советская школа, как известно, в то время была лучшей в мире. Не то, что потом, в новой России. При дегенератах Фурсенко с Ливановым*.

Нужно было проявить себя еще в чем-то, и я это реализовал. Записался в музыкальный кружок на курс баяна с гитарой и через пару месяцев их освоил. Вместе с нотной грамотой. Как когда-то, когда был Валеркой Ковалевым.

Тот неплохо лабал* на этих инструментах и даже орал песни в одном из ВИА* в Донбассе, пока не загребли на флот. Там стало не до музыки.

Спустя еще некоторое время я, в числе других дарований, выступил на концерте в честь очередной годовщины Великой Октябрьской Социалистической Революции, где мне поручили аккомпанировать на баяне исполняемую школьным хором «Песнь о Ленине».

День за днем бегут года -

Зори новых поколений.

Но никто и никогда,

Не забудет имя: Ленин!

пуча глаза и краснея щеками, с чувством выводили сироты.

Физрук, он же по совместительству дирижер, страстно взмахивал палочкой, а я, изо всей силы растягивая меха, уверенно брал нужные аккорды.

В первом ряду, среди приглашенных, рядом с заведующим сидел высокий чин из облоно*, и нам было предписано произвести на него впечатление. В противном случае хор мог быть лишен сладкого.

...Ленин всегда живой,

Ленин всегда с тобой,

В горе, в надежде и радости.

Ленин в твоей весне,

В каждом счастливом дне,

Ленин в тебе и во мне!

выдал последний куплет хор (в зале возникла тишина), потом чин стал хлопать, и он разразился бурными аплодисментами

– Есть сладкое! – расплылись в улыбках исполнители, а заведующий, расслабившись, промокнул бритую голову платком и украдкой взглянул на начальство. Оно было довольно.

Затем воодушевленный хор спел еще несколько патриотических песен; старшекласник и местный поэт Жора Був, завывая, прочел стих о советском паспорте, настала очередь танцевальной группы.

Поскольку жили мы в Крыму, где базировался Черноморский флот, как и следовало ожидать, она сплясала матросское «Яблочко». Я же, пыхтя, вновь растягивал меха и довольно удачно.

Когда мероприятие закончилось и всех отвели на праздничный обед с арбузами и виноградом, меня после него вызвали к заведующему.

В кабинете, кроме него, были гость из облоно и какая-то импозантная дама в строгом костюме с депутатским значком на пышном бюсте. Все чуть поддатые.

– Ты у нас в каком классе, мальчик? – томно спросила сидевшая на диване дама, покачивая стройной ногой в остроносой туфле.

– В третьем – скользнул я по ней взглядом. – Потом перейду в четвертый

– И как тебе здесь живется? У Василия Кузьмича? – икнул начальник из облоно. Запахло коньяком (я помнил запах).

– Как у родного отца, – ответил Лазарь.. – Нас здесь хорошо кормят, учат и воспитывают. То была правда. Брехня, что в советских интернатах для сирот, дети жили в нищете. Я тому свидетель.

– Он у нас не только музыкант, но еще отличник и спортсмен, – довольный ответом прогудел заведующий. – Можно сказать, талант. В смысле, одаренный.

– Тогда давайте подумаем о его будущем, Юрий Генрихович, – обратилась депутатша к областному чиновнику. – Мы обязаны поддерживать таланты.

– Ну как отказать представителю народной власти? – масляно взглянул на нее тот. – У нас в интернате для одаренных детей как раз есть место. Считайте оно его. А вы – взглянул на Котова, – готовьте документы.

– Вот оно! – внутренне заликовал я. – Все по плану!

– А теперь иди, Лазарь, – благосклонно кивнул мне заведующий. – После тихого часа вас поедут в кино. На «Чапаева».

Выйдя из кабинета, я сделал в пустынном коридоре сальто-мортале*, а затем вприпрыжку побежал вперед. Жизнь казалась прекрасной и удивительной.

На заходе солнца, в летнем кинотеатре, мы смотрели кино, про легендарного героя Гражданской войны. Василий Иванович лихо вел бойцов в атаку, Анка расстреливала из пулемета «психов», ординарец Петька целовал ее в щечки. Поскольку секса в стране тогда еще не было.

Наступило очередное лето, воспитанник Донской перешел в четвертый класс, ожидая радостного известия.

Его не было.

А потом по интернату прошел слух, что в заведение для одаренных отправляют Сашку Петровского, того самого, к кому приходила бабушка. Он был троечник и лентяй, а кроме того, ругался матом.

– Как же так? – возмутился я и отправился к заведующему.

Тот все подтвердил, отворачивая глаза и барабаня по столу пальцами.

Как оказалось, бабушка Петровского в молодости была сподвижницей Коллонтай*, в связи с чем предпочтение было отдано ее внуку.

Это была первая несправедливость в этой жизни, что меня здорово обидело.

Внутренние составляющие тоже расстроились и стали давать советы.

– Рви отсюда за бугор, – рекомендовала чекистская. – Я расскажу, как все сделать без шума и пыли.

– Не вздумай. Лучше напиши явку с повинной, тебе поверят, – возражала прокурорская.

– Не сепетись, – советовали шахтерская с морской. – Учись. А то опять загремишь в забой или на подводную лодку. Тебе что? Больше всех надо?

Я внял гласу пролетариата.

И чтобы загасить обиду, а заодно отвлечься от дурных мыслей, вплотную занялся физическим трудом. Который, как известно, помогает. В то время за «Железным занавесом» (так именовали нашу страну заокеанские друзья), во всех школах культивировалось трудовое воспитание. По уже упомянутому мной, Макаренко.

Там имелись учебные мастерские и даже подсобные хозяйства, где детей, обучали трудовым навыкам. В постсоветской России сие похерили. С подачи демократов с либералами. Мол, нарушение прав ребенка.

Поскольку подсобного хозяйства в нашем интернате не имелось, я стал трудиться после уроков дополнительно в столярной и слесарной мастерских. Сбивая табуретки, а также вытаскивая болты напильником.

А затем в жизни Донского свершился поворот. Меня усыновили.

Такое в нашем заведении случилось. И сироты завидовали счастливым.

В тот майский день, орудуя в поте лица киянкой*, я вершил очередную табуретку, и меня вызвали к заведующему. Заставив умыться и облачиться в выходной костюм: солдатского образца шерстяную гимнастерку с блестящими пуговицами, затянутую кожаным поясом с бляхой, широкие штаны и тупоносые ботинки.

– С чего бы это? – размышлял я, цокая подковками по коридору.

В кабинете заведующего, который был явно не в себе, на диване сидел представительный, средних лет мужчина, в шляпе и с орденскими колодками (не иначе фронтовик), а рядом с ним молодая особа. В креп-жоржетовом платье с золотой брошью и редикюлем* крокодиловой кожи на коленях.

– На мое «здрасьте», пара величаво кивнула головой, а заведующий ткнул дрожащим пальцем в стоявший в центре стул, – присаживайся.

Я сел, ожидая, что будет дальше.

Пара молчала, оценивающе рассматривая меня, словно амебу* под микроскопом. В кабинете возникла пауза.

– Послушай, Лазарь, – откашлялся в кулак заведующий. – Как ты отнесешься к тому, чтобы стать сыном этих уважаемых людей (подобострастно взглянул на пару).

«Нафиг мне это надо» подумал я, но вслух сказал, – не знаю и пожал плечами. Сработала чекистская привычка.

– А ты знай, мальчик, – начальственно прогудел мужик в шляпе. – Мы бы могли стать тебе достойными родителями.

– Соглашайся, малыш, – поддержала его жена. – Вилен Петрович слов на ветер не бросает. А я буду тебе мамой (повлажнела глазами).

– Вилен Петрович крупный партийный руководитель, – присоединился к ним Котов. – И это для тебя честь. Вырастишь настоящим коммунистом.

– Не знаю, – снова сказал я, начав болтать ногами. А потом шмыгнул носом. – Подумать надо.

– Вот-вот, – с облегчением сказал заведующий. – Иди, Лазарь, думай. Можно? – покоился на гостей. Те молча кивнули.

Спустя час, когда чета уехала, меня снова доставили на беседу к Котову.

Тот нервно расхаживал по кабинету.

– Садись, – указал мне на диван, после чего сообщил следующее:

Вилен Петрович Волобуев был вторым секретарем Крымского обкома партии, а его жена – Элеонора Павловна, директором сети ресторанов. Чета имела благоустроенную квартиру в Симферополе и охотничий домик близ Фороса*, а вот с детьми возникла незадача. Таковых в наличии не было.

– Перед тобой открываются такие возможности, пацан! – убеждал меня Котов, вздымая вверх руки. – Будешь кататься как сыр в масле! Получишь достойное образование!

– А почему у него такое непонятное имя? – спросил я в промежутке, когда заведующий, устав ораторствовать, стал пить воду из графина.

– Вилен, – это Владимир Ильич Ленин, дурак! Аббревиатура! И, брякнув графин на тумбочку, утер рукавом губы.

– Мне б такое предложили, на коленях пополз, – плюхнулся он за стол, уставившись на меня просящим взглядом.

– Соглашайся, Лазарь. Иначе меня за твой отказ турнут. Ты же так и останешься сиротой. Всеми позабыт, позаброшен.

– Хи-хи-хи, – сжал коленями руки я, вспомнив, что такое говорил Попандопуло из Одессы. В фильме «Свадьба в Малиновке».

– Ты чего? – округлил Котов глаза. – Издеваешься?

– Будь по вашему, Василий Кузьмич, – поднялся я с дивана. – Когда собираться?

– Ну вот, молодца! – вылезая из-за стола, по слоновьи протопал ко мне заведующий и пожал руку. – Я в тебе не сомневался.

Потом вернулся назад, снял с рычага трубку и завертел диск. В ней запищало, а потом шелкнуло

– Он согласен! – вытянулся во фронт*. – Слушаюсь, товарищ секретарь! Будет исполнено!

И колесо завертелось.

На следующее утро, после завтрака, аккуратно подстриженный и в новой форме, я, вместе с Котовым на его стареньком «Москвиче-Олимпия», прибыл в отдел ЗАГСа* Центрального района Симферополя, где нас уже ждали.

Предупредительная, бальзаковского возраста дама (насколько я понял, начальница), провела нас в свой личный кабинет, уставленный букетами цветов и шампанским, где потрепав Лаврентия по подбородку «какой хороший мальчик!», пригласила присесть. Тут же оформив на усыновленного свидетельство о рождении

– Непорядок, – пробубнил во мне прокурор. – А где же все предшествующие этапы? Явное нарушение закона.

– Не зуди, – осадил его чекист. – Это тебе ни хухры-мухры. Сам секретарь обкома. Понимать надо!

– Вроде инкогнито? – спросил шахтер.

– Ну да, – хмыкнул моряк. – Типа подлюдка в автономке.

После этого заведующая встала, торжественно сообщив, что я теперь Никита Виленович Волобуев, вслед за чем вручила Котову зеленую, с гербом книжицу.

Засим мы чинно распрощались (начальница пожалала мне руку) и вместе с Котовым вышли наружу. В яркое солнце, чириканье воробьев и запах цветущих глициний на бульваре.

– Хочешь мороженое? – спросил заведующий, кивнув на девушку в белом фартучке, у голубой тележки под тентом.

– Ага, – сказал я, облизнувшись. В интернате нас мороженым не баловали.

Мы подошли, Котов купил мне эскимо за двадцать две копейки, после чего мы уселись рядом на скамье под ливанским кедром.

Я лизал забытую сладость, облитую шоколадом, а заведующий извлек из кармана пачку «Дюбека», продул папиросу и закурил.

– Ну как тебе новое имя и фамилия? – выдул вверх струйку дыма.

– Имя вполне, – отогнал я налетевшую осу. – Как у Хрущева. И Виленович ничего, в смысле Ленин. А вот фамилия, я бы сказал, не того. Как в анекдоте.

– В каком еще таком анекдоте?

– Хотите расскажу?

– Валяй, – подпернув широкую штанину, забросил ногу на ногу Котов. – Я послушаю

– Значит так, – куснул я подтаявшее эскимо и шмыгнул носом.

– Приходит актёр в провинциальный театр устраиваться на работу. А там ему полный отлуп: мест нет, хороших ролей нет, свободен!

– Да мне хоть бабу Ягу, – говорит. Я на все согласен

Отвечают, – ничего нет. Ну, разве роль оруженосца Волобуева... но так это полный бред. Вы же сами понимаете. Такое никто не сыграет.

– А что за роль? – интересуется актер. – Я самого Ленина играл вообще-то, в Урюпинске.

Ему: – да бросьте! Заслуженные пробовались, не потянули... или Вы не слышали про Волобуева?

– Не, – отвечает, – не слышал. Поясните.

– Ему поясняют, что роль это эпизодическая. В финальной сцене нужно выйти на сцену, протянуть главному герою меч и сказать: "Волобуев! Вот Ваш меч!". Но над ролью довлечет тяжкое проклятие.

Впервые в нашем театре Волобуева ставили в 1896 – м году в бытность посещения августейшими особами. Подлец – гимназист, которому доверили вынести меч, то ли из шалости, то ли случайно, возопил: "Волохуев! Вот ваш меч!!" Ну, случился большой скандал. Режиссера в Сибирь сослали, труппу разогнали, гимназиста выпороли.

Другой раз, уже при Советской власти, пьесу эту вновь ставили. Актёр, игравший оруженосца, очень волновался, и конечно, тоже брякнул: "Волохуев!"

– Кхы-кхы-кхы! – подавился дымом Котов. – Волохуев! Ну, бля, умора!

– Ага, так и брякнул, – доев мороженое, сказал я, утирая липкие пальцы о штаны. После чего продолжил.

– Ну, этому актеру и говорят, – режиссера расстреляли, труппу в лагеря. И при Сталине ещё ставили, тоже ничего хорошего не вышло. Сейчас вот молодой главреж пришёл, хочет ставить. Его отговаривают все, и за роль оруженосца никто не берется.

– Я согласен, – настаивает актер, и его оформляют на роль. Ведь самого Ильича играл, не шутка...

– А можно мне еще мороженое? – хитро покосился я на Котова, слушавшего открывши рот, к нижней губе которого приклеилась погасшая папирота.

– Конечно, – выплюнул он окурок. – Здорово излагаешь. И тут же выполнил мою просьбу.

– Ну, так вот, – стал сдирать я с батончика серебряную фольгу.

– Репетиции идут – все хорошо, прогоны – отлично. Город с трепетом ждёт премьеры. В ее день – аншлаг зал полон. Первый акт, второй – все как на иголках. Финальная сцена.

Выходит Оруженосец Волобуева с мечом. А публика – то местечковая, своя, все легенды знает. Короче, мертвая тишина.

Оруженосец собирается с мыслями... сам трепещет... и, отчетливо артикулируя, произносит «Волобуев!..»

В зале пятиминутная овация! Зал встает!! На сцену летят цветы!!!

Актер пафосно наслаждается своим триумфом, воздев вверх руки и кланяясь. А потом расслабляется (овация стихает), подмигивает главному персонажу и к куполу взлетает «Волобуев! Вот ваш х..!!».

Заведующий, отвалившись на изгиб скамейки, начал оглушительно ржать, с асфальта вспорхнула стая голубей, а девушка у тележки закричала «мальчик прекрати выражаться!»

– Ну, ты даешь! – утер Котов выступившие на глазах слезы. – Откуда такой взял? Впервые слышу.

– Так у меня ж одаренность, – метнул я в урну палочку от честно заработанного эскимо, и мы опять засмеялись

– Забавный анекдот, надо будет рассказать на педсовете в районо*, – сказал заведующий, после чего взглянул на наручные часы и встал со скамейки. – Поехали.

По дороге я рассматривал красивый город в зелени и цветах, думая, что Котов в общем – то неплохой мужик, хотя и чиновник.

Не ворует, как многие такие же в будущей России, и по мере сил воспитывает новых ударников труда, свято веря в коммунистические идеи.

Потом были экзамены за истекший год, которые Волобуев успешно сдал, а спустя три дня пятикласснику выписали вещевой аттестат, и я собрал подаренный интернатом фибровый чемоданчик. Несколько пар хлопчатобумажных носков, новых маек с трусами, а также другую хурду*, полагающуюся сиротам, уходящим в большую жизнь пролетарского государства.

Когда простившись с педагогами, давшими выпускнику обязательное напутствие, я пожимал руки своим приятелям, к нам подошла Таня (она здорово похорошела) и отозвала меня в сторону

– Слушай, Никита, а давай снова дружить и переписываться, – хитро блестя глазами, сказала она, сунув мне в руку краснобокую мельбу*.

– А как же Сашка Петровский? – понюхал я душистое яблоко.

– Фи, – сморщила носик Таня, взмахнув пушистыми ресницами – У него только бабушка-революционерка. А у тебя такой папа!

– Вот она, настоящая дочь Евы, – подбросил я в руке библейский плод, совративший первого человека.

Но в ответ сказал, – хорошо. Я подумаю.

Чуть позже мы с заведующим спустились вниз по гулкому маршу лестницы во двор, где на плацу у клумбы уже стояла черная «Волга» с серебристым оленем на капоте, а рядом скучал водитель, в белой рубашке при галстуке.

– Ну, прощай Никита, не забывай нас, – протянул мне ладонь Котов, и я шлепнул в нее свою. С чувством легкой грусти.

Когда сел в машину с тихо урчащим мотором, оглянулся назад.

В окнах второго этажа корпуса, за стеклами, белели лица ребят.

Потом автомобиль тронулся, они превратились в пятна, и мы выехали со двора в город. К новой жизни.

– Бывайте кореша, – сентиментально всхлипнул внутри моряк.

Остальные части души молчали. Наверное, тоже переживали.

Глава 5. В номенклатурной среде

Шел четвертый год, как я жил с вновь обретенными родителями.

Страной правил очередной Генсек Леонид Ильич Брежнев, она под его чутким руководством шла семимильными шагами к коммунизму, пела, бухала и штурмовала Космос.

По утрам в семье Волобуевых горничной подавался обильный завтрак: кофе со сливками, черная икра, буженина и горячие тосты. После него, чмокнув жену в щеку, Вилен Петрович уезжал на своей черной «Волге» в обком. «Руководить и направлять» в областном масштабе.

Мы, с Элеонорой Павловной, благоухающей парфумом, уезжали чуть позже. На второй, бежевой. Принадлежавшей семейству.

Нора, так звал я про себя приемную мамашу, водила автомобиль лично и завозила меня в школу, а сама отправлялась в свой трест*, организовывать общепит жителей и гостей Крыма.

Школа, в которой я продолжил образование, была старейшей в городе, но самой обычной. Отпрысков элиты тогда еще обучали с детьми пролетариата.

Но расслоение уже чувствовалось. Первые старались держаться вместе, порой демонстрируя превосходство и положение в обществе, а вторые относились к нам с некоторым отчуждением. Что, впрочем, не мешало общению и учебе.

Особо близко я не сходил ни с кем, поскольку одноклассники были дети, Никита же только внешне, и имел другие интересы.

А поэтому, реализовывал свой план. Неустанно и целенаправленно.

Достаточно легко усваивая по известным причинам учебные дисциплины, я активно занялся изучением французского, который когда – то неплохо знал по учебе в ВКШ, но потом, не имея практики, почти забыл. Хотя и понимал многие фразы.

Наша «французенка» Елизавета Генриховна, в свое время работавшая переводчицей в торгпредстве, весьма обрадовалась прилежному ученику, и Никита вскоре стал «парлеть»* как в доброе старое время.

Кроме того я занялся дайвингом*, основами которого владел со времен службы в подплаве, записавшись в городской кружок Юных водолазов.

Там я сначала плавал и нырял с другими «ихтиандрами» в бассейне, а потом в море, которое плескалось в сотне метрах от охотничьего домика Волобуевых на мысе Сарыч.

Для этих целей всемогущий «папа» организовал сыну акваланг с ластами, которые при- таранил в особняк командир Севастопольского учебного отряда – его приятель. На каникулах, встав с восходом солнца, я брал снаряжение с собой, облачался у кромки шипевшего прибоя, после чего, зайдя по пояс воду, нырял в глубину. Пуская пузыри и каждый раз восхищаясь аквамиром*.

Отбарабанив в прошлой жизни на подводных крейсерах шесть лет и ни единожды побывав в Атлантике, я воспринимал глубину только внутри прочного корпуса и теперь наверстывал упущенное.

Царство Посейдона было неповторимым. Без людей, суеты и общественного устройства. В подсвеченных сверху солнцем глубинах шла своя жизнь, по законам природы.

В золотом донном песке колыхались розовые с зелеными цистозейры*, меж них ползали крабы и отсвечивали перламутром рапаны, над которыми искрился фитопланктон, сквозь который проплывали более солидные представители экосистемы.

Я не нарушал установленного порядка и только наблюдал за устойчивым балансом.

– Хорошо бы стать дельфином, или на худой конец морской собакой*, – думал про себя, чуть шевеля ластами. – Путешествовал бы себе в глубинах без забот, свободный и независимый.

Впрочем, вряд ли. В нашем мире это невозможно. Все охотятся друг на друга, поскольку хотят кушать.

Потом я всплывал, освобождался от акваланга и валялся на песке, бездумно глядя в высокое голубое небо. Где-то там вершили свои дела Творец. Вернувший меня на грешную землю в каких-то своих целях.

А еще размышлял о своих приемных родителях, которые оказались насквозь фальшивыми.

Вилен Петрович был липовым фронтовиком – в годы войны отсиживался парторгом на хлебокомбинате в Ташкенте. Но при всем этом имел медали «За боевые заслуги» и «Победу над Германией», а также ряд послевоенных. Призывая партийцев и других граждан Крыма к новым трудовым свершениям «во имя и на благо», он активно ковал его для себя. Между делом обогащаясь.

Квартира Волобуевых в центре Симферополя, площадью под сотню метров, напоминала мини Эрмитаж. С дорогими предметами старины, картинами известных мастеров и антикварной мебелью, а также не виданными тогда американским телевизором, плюс западногерманским магнитофоном.

Впечатлял и охотничий домик, напоминавший Орлиное гнездо из фильма «Кавказская пленница». Только вместе известной троицы, его охраняли сенбернар* Джим, да сторож – грек из местных.

Под домом, окруженным стенами из дикого камня, увитыми плющом, имелся обширный подвал. Туда, по линии Элеоноры Павловны регулярно доставлялись крымские марочные коньяки, дорогие вина с шампанским, а также всяческие деликатесы.

Вне службы мои «родители» общались только с подобными себе, составляя замкнутую касту, именуемую номенклатурой. В ней были только первые лица региона с женами, относящие себя к элите, а также приближенные.

Остальные же считались людьми второго сорта и исполнителями.

А еще, как выяснилось, Нора имела любовника, что я узнал совершенно случайно. Услышав обрывок ее разговора по телефону, когда «папа» уехал в столицу на какую-то партийную сходку.

– ...так что котик приезжай. Завтра в десять на наше место Моего козла не будет целых три дня. Целую, – проворковала она, положив трубку.

И это для меня было не ново.

В той жизни приходилось вести дела по двум партократам и лицезреть их «скромный» ареал обитания при проведении обысков. А также изучать в ходе следствия моральный облик бывших небожителей. Который оказался «не того». Чем грешили многие руководители.

Тем не менее, своего негативного отношения к старшим Волобуевым я никак не проявлял. Внимал их наставлениям и был примерным «сыном». По известному в мире принципу Макиавелли* «цель оправдывает средства».

И единственным моим другом в среде избранных, был уже упомянутый сенбернар. Которому при встречах я говорил есенинское «дай Джим на счастье лапу мне!» и тот шлепал ее в ладонь. Блестя честными глазами.

К семнадцати годам я был довольно рослым парнем, с хорошо развитой мускулатурой, а еще смуглый, поскольку предки были из сербов. Как следствие, впал первородный грех. Пришло время.

Искусительница явилась в образе московской подруги Норы.

Ее звали Ольгой, и она регулярно навещала нас в курортный сезон с мужем – чиновником «Интуриста». Тот был вдвое старше своей жены, много ел, пил и подремывал на пляже под тентом в шезлонге. Супруга же предавалась активному отдыху. На вид лет тридцати, Ольга была жгучей брюнеткой с хорошей фигурой, а еще явно «слабой на передок», как говорят шахтеры.

В чем-чем, а в этом я разбирался, поскольку в свое время ни один год работал с женской агентурой.

По утрам, при встрече, Ольга часто ерошила Никите голову, «привет малыш!» а когда мы оставались одни в комнатах или саду, вроде как ненароком показывала стройное колено или часть полушарий груди в легком шелке японского кимоно, в котором она напоминала гейшу*.

Срабатывал безусловный рефлекс – у меня кое-что напрягалось.

– Надо ее непременно приобщить*, – профессионально советовал внутри чекист.

– Лучше посадить, за соращение младенцев, – недовольно бурчал прокурор.

– Да пошел, ты! – цикали на него шахтер с моряком. – Такие сиськи!

Короче, я пал, как когда-то библейский Адам. Окончательно и бесповоротно.

В один из летних вечеров, необычайно красивых на Форосе, когда солнце опускалось за горизонт, над ним атели облака и вдали белел парус, я сидел на подоконнике своей комнаты на втором этаже у открытого окна. Листая справочник Брокгауза и Эфрона*.

Родители с мужем Ольги уехали в Ялту на концерт Эдиты Пьехи, а она, сославшись на мигрень, осталась. Так что в доме мы были одни, не считая лохматого друга Джима.

Сенбернар лежал на ковре, положив голову на лапы, вздыхая и грустно помигивая глазами (как известно они склонны к меланхолии), а Ольга прогуливалась в саду. Дыша запахами ночной фиалки и жасмина

– А-у, Ник! Спустишь на минуту сюда! – раздался оттуда ее голос. Продвинутая москвичка звала меня по европейски «Ником».

– Шас! – отложив в сторону словарь, спрыгнул я с подоконника, после чего вместе с Джимом, который увязался вслед, мы спустились вниз. Откуда вышли в легкую прохладу вечера.

Миновав небольшой фонтан с «писающим мальчиком» во дворе, мы прошли по тенистой аллее к центру сада, где в кронах трещали цикады. Там, в беседке на скамейке у круглого стола, в живописной позе сидела искусительница. Обмахиваясь легким веером.

Полы ее кимоно были распахнуты больше чем всегда при таких встречах, открывая часть загорелого округлого бедра, то же относилось и к пышному бюсту, который порывисто вздымался.

– Иди ко мне, малыш, – защелкнув веер, томно сказала Ольга, что я, сглотнув слюну, незамедлительно исполнил. Присев рядом.

– Ближе, еще ближе, – скользнул с плеч расшитый цветами шелк, мою шею обвили руки, и мы слились в страстном поцелуе.

– Возьми меня, – на миг оторвавшись, прошептали ее губы.

Ну, я и взял. С учетом опыта прошлой жизни.

В СССР, как известно, секса не было, что с избытком имелось в постсоветской России. Дома, на работе и даже в политической жизни.

В следующее мгновение я вздел обнаженную искусительницу на руки (кимоно осталось на скамейке) брякнул упругой попой на стол, а ноги, раздвинув, забросил себе на плечи.

– З-з-з, – раздернул молнию летних шорт, и грехопадение началось.

Все по «Камасутре». Поза номер семь «зямба». Или вроде того. Их там не меряно, причем все с названиями.

Ольга стонала на столе, я частил как спринтер в забеге на короткие дистанции. В итоге, довольно быстро пришел к финишу.

– Что ж ты так? – тяжело дыша, разочарованно протянула партнерша. – Надо помедленнее и дольше. Начинай снова.

– Не вопрос – утер я пот со лба, после чего снял ее с крышки, развернул и упер в стол. По принципу избушки «в лес передом, ко мне задом». Как это зовется по пособию брахманов* не знаю. Но у нас, русских, четко и понятно.

Замечание было учтено, неверная жена довольно ахала впереди а я, обхватив ее за стройные бедра, размеренно сопел сзади. Теперь дистанцию прошли минут за десять.

– Хорошо то, как, – затрепетав в конце, обернула ко мне порозовевшее лицо довольная Ольга. – Да ты Ник душка. А еще можешь?

– Могу, Петька, могу, – ответил я фразой из уже тогда известного анекдота.

После чего попросил обнять ее меня руками за шею (что было немедленно исполнено), подхватил под колени, и мы учинили еще одну Камасутру. Правда, минут на пять. Красотка была не особо тяжелой, но силы были на исходе.

– Все, спекся Буланчик, – сказал я, когда мы завершили цикл. Усадив разморенную и довольную Ольгу на скамейку.

В беседку вошел все это время наблюдавший за нами Джек, облизнулся, вернулся к рядом стоявшему церцису* и задрал на ствол ногу.

Типа, я тоже так умею. Но не с кем.

Чуть позже мы все втроем купались в теплом ночном море. С неба вниз мигали пушистые звезды, откуда-то издалека доносило звуки танго.

– Где ты всему этому научился? – спросила заколов волосы Ольга, когда мы направились по скрипящему песку к дому.

– Не знаю, – пожал я плечами. – Помню только, когда еще был младенцем, нянечка сказала «кобель будет».

– Шутишь? – лукаво покосилась на меня она, грызя травинку.

– Честное слово.

Судя по тому, как через несколько дней в отсутствии «папы» на меня стала поглядывать Нора, Ольга проболталась подруге о том, что случилось между нами.

– На фик – на фик, – думал я, отворачиваясь от ее зазывных взглядов. – У тебя уже один е... есть. Только семейного инцеста не хватало.

Вскоре мне довелось лицезреть самого Генсека. В той, первой жизни, я его тоже наблюдал, но в основном затылком, когда стоял в оцеплении перед трибуной Мавзолея в дни майских шествий и военных парадов. Теперь же случился, как говорят, «личный контакт». При следующих обстоятельствах.

Наш охотничий домик на Форосе, в числе еще десятка таких же, принадлежавших лучшим людям полуострова, находился всего в нескольких километрах от главной правительственной дачи. Имевшей одноименное название.

Когда-то там была резиденция русских царей, а потом ее облюбовал товарищ Сталин. Далее эстафету принял Никита Хрущев, а теперь в Форос временами наезжал Леонид Ильич Брежнев. Со товарищи.

Внешне это никак не афишировалось, но кому положено, знали. В том числе мой усыновитель.

Однажды в августе, это было за год до окончания мною школы, он прикатил вечером на служебной «Волге» из Симферополя и сообщил, что отдыхающий в резиденции Генсек желает встретиться с талантливой молодежью Крыма.

– Ты будешь в их числе, – покровительственно похлопал меня по плечу. – Постарайся произвести впечатление.

– Может взять баян и там чего-нибудь сбачать? – спросил я, проникаясь важностью услышанного. В доме имелся подаренный мне Норой «Хонер» о пяти регистрах* на котором, по вечерам, я нередко играл для папы «Интернационал», а ей кое-что из зарубежной эстрады.

– А что? Умная мысль, – воодушевился родитель. – Леонид Ильич любит искусство. Сыграешь для него Гимн или на худой конец «Прощание славянки».

– Нет вопросов, – воодушевился я. – Все, что пожелает!

На следующее утро, около десяти, в отутюженных брюках и белой рубашке со значком ВЛКСМ на груди, прихватив инструмент, я уселся вместе с Волобуевым на заднее сиденье автомобиля.

– Трогай, – кивнул тот фетровой шляпой водителю, после чего мы выкатили за ворота и взяли курс на правительственную дачу.

На въезде в нее Вилен Петрович предъявил охране пропуск, вслед за чем автомобиль въехал на территорию и встал на стоянке неподалеку одного из помпезных зданий, под тропическими пальмами.

Там уже блестили хромом еще несколько. В том числе правительственная «Чайка». Тихо прикрыв дверцы, мы вышли из машины.

– Вам туда, – возник из ниоткуда рослый амбал в темных очках, таком же костюме и портативной рацией в руке. Кивнув на мраморную, с ковровой дорожкой, лестницу.

– А это что? – насторожился, увидев извлекаемый водителем из багажника футляр с «Хонером».

– Это, товарищ, баян, – предупредительно сказал папа. – Мой сын, так сказать, талант. Будет играть Гимн для товарища Брежнева.

– Понял, – кивнул башкой амбал. – Предъявите.

Убедившись, что все действительно так, он разрешил, – проходите. После чего забубнил что-то в рацию.

Я прихватил инструмент, папа снял шляпу, и мы поднялись по мраморной лестнице вверх. В пенаты.

Они впечатляли архитектурными формами и дизайном.

В небольшом, отделанном розовым туфом и позолотой зале, на кожаных диванах вдоль стен, напряженно сидел десяток юных дарований. Празднично одетых девушек и парней. Некоторых я знал. Они, как и я, были детьми местной элиты.

Здесь же, у зеркальных окон, и двустворчатой закрытой двери, стояли еще двое церберов из «девятки»*. С каменно застывшими лицами и скрещенными на яйцах руками. Как того требовала инструкция.

Указав мне пальцем на диван и пожелав удачи, Волобуев тут же испарился в смежную комнату, за стеклянной дверью которой виднелись другие сопровождающие.

Под любопытными взглядами сидевших на диванах, я поставил инструмент у ног, сделал рожу ящиком и опустился на прохладную кожу.

Минут через пять напряженного ожидания в зале появился первый секретарь Крымского обкома партии (начальник отца), внимательно оглядел нас и проскрипел:

– Сейчас вы встретитесь с товарищем Брежневым. Никаких вопросов не задавать. Отвечать только на его. Всем ясно?

– Да, – втянули головы в плечи приглашенные. Я тоже. Сказались гены партийной дисциплины.

– Все. Идем, – поправив галстук, первым пошагал секретарь в сторону арочной двери. За ним робко двинулись остальные. Открыв футляр, я взял баян подмышку (тот хрюкнул) и последовал их примеру.

На подходе охранники распахнули створки. В глаза ударил яркий солнечный свет, и бескрайняя синь моря, из которых нарисовалась открытая, с балюстрадой, белая терраса. Посреди нее, удобно устроившись в легких креслах, сидела царственная группа.

В центре Сам, в белой рубашке с короткими рукавами, еще довольно крепкий и с густыми черными бровями; по сторонам 1-й секретарь ЦК Компартии Украины Шербицкий с мини-стром иностранных дел СССР Громыко и еще какие-то менее значительные лица.

– А вот и наши молодые таланты, Леонид Ильич! – сделав нам знак остановиться, бодро изрек наместник Крыма.

–М-м-м, – пожевал губами хозяин Страны Советов, окинув нас благосклонным взглядом. – Здравствуйте товарищи. Присаживайтесь, – сказал густым басом. После чего сделал приглашающий жест рукой. С золотой «Ракетой» на запястье.

– Всем сесть, – обернувшись назад, тихо продублировал Крымский секретарь. Мы опустились на стоявшие у балюстрады стулья, я аккуратно положил «Хонер» на свободный сбоку.

– Так какие тут у нас таланты, а, Николай Карпович? – обратился к подчиненному Щербицкий с породистым лицом – Давай, докладывай.

Тот было с пафосом начал, но Брежнев его остановил, чуть подняв руку.

– Пусть сами расскажут, по порядку. А мы слушаем молодежь. Кто первый?

Возникла короткая пауза, как нередко бывает в таких случаях, а потом с противоположного от меня края, встала девушка.

– Я Галя Ланская! – звонко сказала она. – Пишу стихи и публикуюсь в «Комсомольской правде!».

– Похвально, – шевельнул бровями Генсек. – Почитай нам что-нибудь, дочка. Окружение, изобразив улыбки, одобрительно закивало.

Девушка, набрав в грудь воздуха, выдала поэму про молодых строителей Братской ГЭС. Все внимали с интересом, после чего Леонид Ильич констатировал «хорошо», а остальные немедленно захлопали в ладоши.

Потом встал лет пятнадцати хмырь в очках, оказавшийся мастером спорта по шахматам и стал излагать теорию Капабланки*, что также вызвало удовлетворение сановных слушателей.

За ним выступил еще один. Явно не нашего круга. Он был юным мичуринцем и рассказал о новом сорте огурцов. Выведенных юннатами на селекционной станции.

– Да, – Гимн или «Прощание славянки» здесь не канают, – мелькнула в голове мысль. – Надо что-нибудь такое, что бы сразу раз – и в дамки.

И тут меня осенило. Исполнить «Малую землю!» Была такая песня, написанная четырнадцать лет спустя композиторшей Пахмутовой на слова поэта Добронравова. По спецзаказу.

В 1943 году Брежнев был начальником политотдела армии на Малой земле и, помнится, высоко ее оценил. Даже написал книгу.

Этот ход мне показался безошибочным, поскольку тут я действительно мог произвести впечатление. Не то, что какая-то там теория Капабланки.

Все мои составляющие решение одобрили. Кроме прокурорской.

– Сие есть мошенничество – изрекла она. – Присвоить чужое произведение.

Остальные на нее зашикали, внутри чуть захрипело. Не иначе придавили.

Я демонстрировал свой талант последним. По принципу «не лезь в герои, пока не позовут». Усвоенному за последние двадцать лет жизни в демократической России.

– Песня «Малая Земля!» – встал и четко доложил. Когда уставший от талантов Леонид Ильич, вяло поинтересовался, что я имею сказать, а Громько тайком зевнул, поглядывая на часы. Видать куда-то торопился.

– Вот как? – чуть оживился Генсек. – А ну давай, парень, исполни.

Я шустро извлек из футляра блестящий перламутром инструмент, одел наплечные ремни и нажал оркестровый регистр. Для большего впечатления.

– Музыка моя! Слова тоже мои! (сбрехал). Исполняет Никита Волобуев!

Потом выдал вступительные аккорды – баян звучал как оркестр, и голосом Магомаева затянул

Малая земля. Кровавая заря...

Яростный десант. Сердце литая твердь.

Малая земля – геройская земля,

Братство презиравших смерть!

старательно выводил, отмечая реакцию главных слушателей.

В глазах бывшего политотдельца, ставшего маршалом, возник неподдельный интерес, его окружение косилось на Брежнева и тоже внимало.

– Так, вроде процесс пошел, – подумал я и выдал второй куплет. С надрывом.

Малая земля. Гвардейская семья.

Южная звезда Надежды и Любви...

Малая земля – российская земля,

Бой во имя всей Земли!

Судя по всему, патетика передавалась старшему поколению, поскольку все сановники подтянулись и сделали героические лица.

Последние два куплета я проорал на максимальном творческом подъеме. Правда, в конце сорвался на фальцет, но это не сказалось на общем впечатлении от шедевра.

Будущий генералиссимус и четырежды Герой даже прослезился, а его свита стала перешептываться, одобрительно кивая головами.

– Дай я тебя поцелую, композитор, – прочувствованно сказал Леонид Ильич. После чего встал с кресла, подошел вплотную и облобызал меня в обе щеки. Пахло коньяком и хорошим одеколоном.

– Вот это талант! – полуобернулся к соратникам. И сказал одному, в роговых очках: – Дмитрий Федорович, надо бы определить парня в оркестр Александра*.

– Ба! – так это же Устинов*, вспомнил я. В бытность моей службы на флоте он был секретарем ЦК, возглавлял комиссию по приему в строй нашего подводного ракетносца и даже выходил с командой в море.

– Кстати, ты сынок как? – похлопал меня по плечу Генсек. – Желаете быть солистом военного ансамбля?

– Никак нет! – по уставному вытянулся я. А про себя подумал «во поперло!» И выдал: – Хочу быть чекистом и охранять безопасность нашей социалистической Родины. Как Феликс Эдмундович Дзержинский!

– Однако! – поползли вверх густые брови. – Ну что ж, чекистом так чекистом (опустились вниз). Там всегда нуждаются в талантах.

Затем Леонид Ильич пожал нам всем руки, пожелав всяческих успехов, а потом крымский секретарь негромко произнес «все на выход».

Далее молодых дарований угостили мороженым, фруктами и соками в уже накрытом зале (фуршетов тогда еще не было), после чего все отправились домой. Выполнять полученные заветы.

Мотор «Волги» ровно жужжал по асфальту горного серпантина, с одной стороны зеленели сосновые леса, кедры и эвкалипты, с другой голубело море с куда-то плывущим белым лайнером.

– Ну, ты даешь, сынок, – сказал мне до этого ошарашено молчавший родитель. – А мы с Элеонорой Павловной планировали тебя в МГИМО*. Стал бы дипломатом, как Громыко.

– Не, – отрицательно покрутил я головой. – Хочу быть как Дзержинский.

– Оттуда такое желание? – покосился на меня родитель. – Книжек про шпионов читался?

– Ага, – кивнул я. – И еще смотрю фильм «Адъютант его превосходительства».

– Ну-ну, – вздохнул Волобуев.

Глава 6. Я поступаю в секретную школу

Скорый поезд Симферополь – Москва бодро отстукивал колесами по блестящим нитям рельс, за окном плыли весенние пейзажи, проводник в белой куртке разносил по купе горячий чай с лимоном, настроение было мажорным.

Выполняя очередную часть плана, я ехал поступать в тайное учебное заведение Страны. Именуемое ВКШ КГБ. А если полностью – Высшая Краснознаменная школа КГБ при Совете министров СССР имени Феликса Эдмундовича Дзержинского.

Этому предшествовал целый ряд событий.

На следующий год, после встречи с Леонидом Ильичем, сразу после выпускных экзаменов, нас с «папой» вызвал к себе начальник УКГБ по Крыму и сообщил, что им поручено позаботиться о младшем Волобуеве.

Старший побледнел, подумав, что сына хотят посадить, но генерал его успокоил.

– Ваш парень, а особенно песня, Вилен Петрович, – сказал чекист, – весьма понравились товарищу Брежневу. – И органам рекомендовано принять участие в его судьбе. В смысле отправить на учебу по нашей линии. Ты же этого хочешь, а, Никита? – спросил меня.

– Так точно! – вскочил я. – Мечтаю!

– Присаживайся, – закурил «Герцеговину Флор» хозяин кабинета, протянув пачку родителю. – Угощайтесь.

– Я не курю, – промокнул тот платком лоб. – Спасибо.

– Значит так, – пыхнул ароматным дымом генерал, прищурившись – Мы можем сделать из тебя Никита, контрразведчика. Для охраны безопасности нашей страны. Как ты на это смотришь?

– Положительно.

– Спортом занимаешься?

– Ага.

– Не «ага», а «да».

– Да, товарищ генерал.

– То-то, – пожевал он мундштук. – Будем оформлять на тебя документы для поступления в наше высшее учебное заведение. После чего давил под столом кнопку.

Через минуту в тамбуре скрипнула дверь, затем вторая, и на пороге возник конопатый блондин лет тридцати. В рубаше апаш* и сером неприметном костюме.

– Слушай задание, капитан, – смял начальник в пепельнице папиросу. – Бери этого орла (ткнул в меня пальцем) и оформляй его кандидатом для поступления в ВКШ. По полной программе. Ясно?

– Будет сделано, Иван Степанович, – ответил блондин. И мне: – следуй за мной, парень.

После этого мы вышли в приемную, где на машинке долбила старушка с профилем Долорес Ибаррури*, а оттуда в коридор, с приглушенным светом, десятком закрытых дверей вдоль стен и ковровой дорожкой до лестничной площадки.

Спустились этажом вниз в кабинет с сейфом у стены, платяным шкафом и двумя столами.

– Значит так, – уселся за один, на котором стояла пишущая машинка, капитан. – Моя фамилия Петров (кивнув на стул). – Приступим. Ты сын товарища Волобуева?

– Ага, то есть да, – ответил я, помня замечание генерала.

– Достойный родитель. Куда поступаешь, знаешь?

– В общих чертах. Ваш генерал сказал. Это мне подходит.

– А ты малый не промах, – хмыкнул Петров, после чего встал, подошел к сейфу и забренчал ключами.

– У меня выслуги больше чем тебе лет, капитан, – ухмыльнулся я внутри. – Пилите, Шура, пилите.

– Вот тебе анкета, а еще напишешь заявление с автобиографией, – сунул мне в руки Петров несколько чистых листов бумаги. – Садись вон за тот стол и твори, потом я прочитаю. Вручил шариковую ручку.

Я присел, куда он сказал, подумал и начал писать. Старательно, соблюдая пунктуацию.

– Родственников укажи до дедов с бабками, – сунул кипяtilьник в банку с водой оперативник. – И если кто привлекался или был за границей, тоже. У нас так положено.

– Кроме Волобуевых, таких не знаю, товарищ капитан, – поднял я голову от бумаги. – Меня нашли младенцем на паперти. А Волобуевы меня усыновили.

– Вот как? – удивился Петров. – Это хорошо. Для будущей работы.

Спустя минут десять я написал все, что нужно (автобиография была совсем короткой), опер все внимательно прочел, удовлетворенно хмыкнув.

– А теперь вот на тебе направление в поликлинику УВД, – протянул мне серую бумажку. – Пройдешь там медкомиссию. Когда получишь заключение, принесешь мне сюда в управление. А перед этим позвонишь по телефону 5-08. Закажу тебе пропуск.

Пока все. Вопросы есть? – уложил мою писанину в синюю папку с грифом*.

Таких не было.

Внизу, меня уже ждал старший Волобуев, после чего мы сели в его машину и уехали.

Медкомиссию, по особой программе, я прошел за неделю.

Когда служил в Заполярье, на флоте, такую же проходил в Мурманске месяц, добираясь туда из своей базы на перекладных. А потом обратно. Хорошо все-таки быть сыном влиятельных родителей.

После комиссии была очередная встреча с капитаном, начальником отдела кадров, а потом генералом, который выдал мне напутственное слово.

– На объекте под Москвой, где вы будете сдавать экзамены, у тебя будет месяц на подготовку, – сказал он, расхаживая по кабинету и скрипя начищенными штиблетами. – Насчет того, что сын секретаря обкома – не обольщайся. Туда приедут много таких, у которых отцы и повыше. Если завалишь экзамены, второй попытки не будет. Уразумел?

– Ясно, – приподнялся я со стула.

– Сиди, – продолжил генерал, а затем обратился к Петрову, присутствующему при разговоре.

– Оформишь на него в секретариате предписание, а в бухгалтерии проездные документы и суточные*.

– Слушаюсь, – ответил тот. – Будет сделано.

– Ну, давай, Волобуев, ни пуха, ни пера – протянул мне руку начальник.

Отвечать «к черту» я не стал, поскольку был комсомольцем.

Далее были семейные хлопоты. Чадо снарядили как на Полюс, хотя я и отказывался, Нора всплакнула, а Вилен Петрович сунул мне пачку банкнот. – Пригодятся на расходы.

«Мама» хотела позвонить в столицу Ольге, чтобы та встретила недоросля и доставила по назначению, но я не согласился. Нужно было проявлять самостоятельность. Тогда она дала ее домашний телефон, попросив позвонить подруге и передать той наилучшие пожелания.

– Обязательно, – сказал я, помня, как мы с той ударно изучали «Камасутру» в беседе.

И вот теперь Никита Волобуев (он же Лазарь Донской и автор этих строк) пересекал вновь, Великую Страну Советов с юга на север. В очередной раз удивляясь бескрайности ее просторов и социалистическим свершениям.

В Первопрестольную прибыли на Казанский вокзал строго по расписанию, и, прихватив свой объемистый чемодан, я вышел на кишашую людьми платформу.

Оттуда протолкался к стоянке такси, где, отстоял длинную очередь, к очередной, подкатившей желтой «двадцатьчетверке» с шашечками.

– Куда? – спросил пожилой таксист, в кожаной фуражке, когда мы загрузили вещи в багажник.

– В Балашиху – ответил я, усаживаясь в салон, и называя более точный адрес.

– Ясно, к «зеленым человечкам», – кивнул он, после чего вертанул ключ счетчика (тот заикался отсчитывая копейки), и машина тронулась с места.

Москва начала семидесятых впечатляла архитектурой соцреализма, отсутствием иномарок, «забугорной» рекламы на зданиях, а также пробок.

– Даже не верится, что так было, – высунув в открытое окно локоть, думал я, рассматривая знакомые проспекты и бульвары.

Суэта отсутствовала напрочь, легковушки троллейбусы и грузовики неспешно катили по недавно вымытому асфальту, на тротуарах было чисто и немногочленно.

Оставив позади Ленинградский проспект, мы выехали на шоссе Энтузиастов, окаймленное пространствами лугов и роц с виднеющимися там поселками, а потом, не въезжая в Балашиху, углубились в хвойный зеленый массив, окаймленный с левой стороны шоссе бесконечным высоким ограждением.

Затем в нем возник белый домик КПП* с глухими двустворчатыми воротами, и таксист свернул на заасфальтированную рядом площадку, – приехали.

Расплатившись и прихватив с собой вещи, я проследовал внутрь охранного помещения, где был встречен скучающим за стеклянной перегородкой прапорщиком.

– Кто? Куда? Зачем? – спросил страж, подняв голову в защитной фуражке.

– Типа кандидат. Вот, – ответил я и сунул в окошко паспорт с предписанием.

– Т-экс, – взяв их в руки, внимательно просмотрел все прапор, далее сверил фото в паспорте с моим «фейсом»*, – совпадают.

– Проходи и жди в курилке, – вернул мне документы, после чего нажал кнопку рядом. Щелкнул отпираемый турникет, я миновал короткий коридор и вошел на секретный объект. Такой до боли знакомый.

Все повторялось как в старом кино или хронике советских лет. Всплывших из истории.

Слева, на бетонной площадке курилка с полукружьем лавок, чуть впереди вековые сосны до небес, а под ними строй крепких парней в хаки*, с погонами сержантов и старшин, долбящих блестящими сапогами по асфальту.

– И раз, и раз, и раз! – доносил легкий, пахнущий скипидаром ветерок, голос шагнувшего сбоку.

Когда-то под соснами шел и я, в морском строю, с лычками старшины, в бескозырке и широких клешах. Но было существенное отличие. Три года службы позади, никаких «высоких» пап и сомнения, что поступлю. Как у той свиньи, что в «калашный ряд». Поверил, когда увидел себя в списках принятых.

Потом строй исчез за поворотом, я сглотнул возникший в горле ком и присел на деревянную скамейку. Вынув из кармана пачку «Явы» закурил, и стал ждать, как было приказано.

А еще подумал, что сейчас мое первое «я» долбит отбойным молотком в шахте, давая стране угля в Донбассе. И поступит оно в ВКШ после трех лет службы в подплаве ВМФ, когда «второе» будет на преддипломной практике. Что исключало возможность встречи, а также нежелательные последствия.

Минут через десять, в том месте где шел строй, появилась одинокая фигура, направившаяся в мою сторону.

– Это ты Волобуев? – спросил бравого вида подошедший сержант, с «поплавком» об окончании вуза на груди и пограничной фуражке.

– Ну да, – метнул я бычок в обрез*, поднимаясь на ноги.

– Будем знакомы, Алексей Цаплин, – представился сержант.

– Никита, – ответил я, и мы пожали друг другу руки.

– Ну что ж, рекрут Никита, – оглядел он меня. – Давай, топай за мною.

Я взял чемодан, и мы двинулись по мощеной гранитом дорожке в сторону бора.

– В армии, конечно, не служил, – констатировал, покосившись на меня сержант.

– Не, – ответил я. – В мае закончил десять классов.

У меня еще два десятка таких «не», – сказал, цокая подковками Цаплин.

Я это знал. Школа, а фактически Академия (чекисты всегда напускали много тумана по привычке), ковала бойцов тайного фронта на трех факультетах. Первый – военной контрразведки, второй – территориальной, а третий – радиоэлектронной.

На первый набирали только отслуживших в армии и на флоте, а вот на остальные два, таких как я сейчас – после школы или начальных курсов институтов. Там в большинстве учились дети элиты, а еще «биномы». То – есть технические дарования. На местном жаргоне.

Вскоре мы пришли в ту часть объекта, где на время экзаменов размещались абитуриенты, и я был определен в группу поступающих на второй факультет. Считавшийся самым престижным. Это объяснялось тем, что помимо прочего, там давали знания трех языков (одного восточного и двух европейских) а еще нередко распределяли за рубеж. Выявлять врагов пролетарского государства «из вне». Без страха, так сказать и упрека.

Сержант Цаплин (он был тоже абитуриент, назначенный старшим) выдал мне из каптерки комплект армейского полевого обмундирования, после чего Волобуев переоблачился и стал как все: похожим на солдата – первогодка.

Далее состоялось знакомство с братьями по счастью. Они впечатляли.

Среди нас имелся отпрыск секретаря ЦК, несколько чад председателей облисполкомов, а также дипломатов; потомки Героев Соцтруда, сыны нескольких маститых генералов с адмиралами и даже племянник Валентины Терешковой.

– Каждой твари по паре, – подумал я. – Эти точно из калашного ряда.

Впрочем, были и несколько таких, как Цаплин. Отслуживших армию.

Абитуриентам факультета военной контрразведки полагалась самоподготовка, дабы освежить подзабытые за время «тягот и лишений» знания, а с нами вплотную занялись уставами и строевой, по принципу «чтобы служба не казалась раем».

Обучал нас старший группы сержант Цаплин. Оказавшийся примерным командиром.

В шесть утра, после крика дневального «подъем!» он выгонял всех «сынков» голых по пояс в бриджах и сапогах на плац между щитовыми домиками, после чего учинял трехкилометровый кросс по аллеям объекта. При этом часть абитуриентов падала по пути назад, а другая тащила их под руки.

– Веселей, веселей, еб вашу мать! – басил рысящий сбоку сержант, а его друзья отслужившее армию, весело гоготали.

Смеялась над «шпаками»* и другие военные абитуриенты, сплошь крепкие и мускулистые, легко осиливающие кросс и дополнявшие его упражнениями на имевшихся в городке спортивных снарядах.

Потом все шли строеми (военные с песнями) на завтрак к центральной части объекта, где находилась похожая на аквариум столовая, а рядом несколько административных зданий, после чего возвращались назад. Потребив армейский паек: кашу-размазню, чай и хлеб с маслом.

Далее приехавшие из частей разводились в учебные классы, а мы маршировали на плац. Осваивать строевую науку.

Там бдительные сержанты гоняли нас до седьмого пота, вопя, «и раз, два три», «ножку, выше ножку, бля!» «кру-гом, салаги!» а также другие, столь же убедительные команды.

Мне в этом плане по известным причинам было намного легче, а вот другим сынкам нет. Многие стирали ноги в непривычных сапогах, путали правую с левой, теряли вес и недавнюю самоуверенность.

Как результат, человека три вскоре исчезли. Забрали предки. Остальные держались, натирали мозоли на ногах и понемногу мужали.

По вечерам кандидаты собирались в обширной курилке под соснами, где отслужившие срочную рассказывали о своих боевых подвигах, а мы с открытыми ртами внимали. Я тоже. Помня о правилах конспирации.

Старшины – моряки, в основном отслужившие по три года, били себя в грудь, утверждая, что у них вся корма в ракушках; пограничники рассказывали о служебных говорящих собаках, а десантники – как прыгают с неба без парашютов. Мол, подготовка такая.

Спустя месяц начались экзамены.

Принимали их здесь же, в учебных классах. Группа заслуженных преподавателей.

Предметов было четыре: русский язык (сочинение), русская литература, история СССР, плюс иностранный. Конкурс, как и следовало ожидать, был на уровне. Два десятка кандидатов на место.

В результате многие «завалились», а счастливицы, в том числе и Волобуев, его прошли. О чем был вывешен специальный, отпечатанный на машинке, список.

К чести ВКШ тех лет (теперь это Академия ФСБ), блат особой роли не играл. Под фанфары гремели не только абитуриенты из рабочего класса, но и такие же из элиты.

Далее на объект прибыл сам начальник Школы генерал-полковник Никитченко со свитой, поступивших выстроили на плацу, где поздравили, и начались трудовые будни.

Будущие военные контрразведчики убыли в Москву для обустройства, а мы, как не отдавшие дань Родине, стали проходить курс молодого бойца. По полной программе Министерства обороны.

Опять те же строевые занятия, плюс уставы: «Дисциплинарный», «Внутренний», «Гарнизонной и караульной службы»; изучение автомата Калашникова, а также приемов с ним и разное другое. Что привычно вбивали нам в молодые головы преподаватели военной кафедры, рангом не ниже подполковника.

В промежутках меж этим мы ходили строями и орали героические песни, а по вечерам стирали подворотнички, асидолили* звездные бляхи на ремнях и драили сапоги щетками с казенным гуталином.

Затем были стрельбы из автомата на полигоне ОМСДОН*, куда нас вывозили на военных грузовиках и не три армейских патрона. Палили от души, как говорят в войсках «от забора до обеда». В системе КГБ были свои нормы.

В ратной учебе прошел месяц, насупил июль, курс молодого бойца шел к завершению. Постоянно находясь на плацу или «в поле»* недавние школяры окрепли и загорели, став жилистыми и проворными. А еще, кто не умел, научился ругаться матом и курить. Что тоже входило в планы подготовки.

Однако курс прошли не все. Один малый из соседней группы случайно стрельнул в преподавателя, посчитав того мишенью, а второй – «бином» написал рапорт с просьбой на отчисление. Ему не нравились уставы и сапоги. Оба вскоре исчезли.

Я же, отличаясь склонностью к приключениям, а также авантюрным поступкам, за что не раз имел неприятности в прошлой жизни, решил навестить в Москве Ольгу. Поговорить «о том – о сем», короче, кто служил в армии, понимает.

А поскольку иллюзий в отношении моральных принципов строителя коммунизма больше не питал, тут же осуществил задуманное.

В ближайшую ночь после отбоя, когда уставшие сокурсники дрыхли на своих жестких койках, я переоделся под одеялом в спортивный костюм с кедами, вылез в открытое окно спальни в треск сверчков под ночным небом и прокрался к трехметровому ограждению.

Со стороны жилого городка его периметр не охранялся, чего нельзя было сказать об остальной территории объекта. Там в разных местах бдили вооруженные бойцы взвода охраны, передвигался незримый патруль, а в подземном тире, спутав время суток, оттачивали боевое мастерство, прибывшие на сборы офицеры КУОС*. Из которых спустя четыре года будет сформирована знаменитая «Альфа».

У ограждения я выглянул из травы (кругом была тишина, как в известном фильме), огляделся. Потом кошкой вскарабкался на забор, спрыгнул на другую сторону и только пятки засверкали.

Маршрут был знаком еще по первому поступлению. Тогда мы сбежали в самоход* втроем. Серега Токарь, Юра Свергун и ваш покорный слуга. Все трое в той жизни покойники.

А сейчас, вновь рожденный рысил (вдох-выдох) по тропинке светлеющего березняка, в сторону недалеких огней Балашихи.

Она привела меня к ярко освещенной городской танцплощадке, на которой под шейк* радостно вихлялась молодежь, а еще через пару сотен метров к телефонной будке и стоянке такси. Все было как тогда. Ничего не изменилось.

– Так, щас, – часто дыша, заскочил я в средство связи, доставая из кармана московский номер Ольги.

После набора в трубке раздались длинные гудки, а потом возник ее голос: «хелло, вас слушают».

– Это Никита из Крыма! – воодушевился я. – Тебе привет от мамули!

– О! Малыш! – рассмеялись на другом конце провода. – Ты в Москве? Рада тебя слышать.

– В Балашихе, – осматриваясь на всякий случай по сторонам, пробубнил я. – Служу тут. Сейчас типа в увольнении.

– Так приезжай в гости. Я одна, – нежно пропела Ольга.

– Можно, – сглотнул я слюну. – Давай адрес.

– Улица Горького 19, квартира 56. Это в районе станции метро «Пушкинская».

– Понял, – кивнул я. – Жди, лечу. И, брякнув трубку на рычаг, поспешил к стоянке.

Там стояли несколько такси с зелеными огоньками.

– Куда едем, спортсмэн? – высунулся из окна ближайшего усатый дядька.

– В Москву, – ответил я.

– Садись.

Обежав машину, я открыл дверь, уселся с ним рядом и назвал адрес.

Мы выехали со стоянки, затикал счетчик, а потом дядька врубил магнитола.

Besame, besame mucho,

Como si fuera esta noche la ultima vez.

Besame, besame mucho,

Que tengo miedo tenerte, y perderte despues...

томно выводил на испанском Пласидо Доминго, что вызывало в молодом теле томление и романтические желания.

– Слышь, дядя, – взглянул я на сидящего за рулем таксиста. – А где тут по дороге можно купить цветов и бутылку шампанского?

– Никак в самоходе парень? – хитро подмигнул мне усатый. – К бабе едешь?

– Не, на спортивных сборах, – ответил я. – Хочу навестить приятеля.

– Ладно, рассказывай, – ухмыльнулся таксист. – Знаю я, какие тут спортсмены обитают. А цветы и шампанское мы тебе найдем. Были бы бабки.

– Имеются, – похлопал я себя по нагрудному карману. Там лежала новенькая сотня из пачки, которую вручил мне при отъезде папаша.

– Ну, тогда тип-топ, качнул водила головой. – Возьмем все. Не сомневайся.

Минут за двадцать по пустынному, блестящему гудроном шоссе, мы добрались до столицы, а когда оказались на ведущей в сторону Кремля нужной улице, таксист подрулил к одному из ресторанов, в окнах которого горел свет, а изнутри доносилась музыка, и встал у тротуара.

– Давай бабки, – протянул руку. – Не хило, – добавил, увидев купюру с профилем Ильича. После чего взял ее и, хлопнув дверцей, направился внутрь ресторана.

Вернулся он минут через пять, сунув мне звякнувший стеклом бумажный пакет со сдачей

– Только цветов не было, вместо них взял конфет, – сказал, усаживаясь за руль и трогаясь с места.

– Пойдет, – рассматривая коробку «Птичьего молока» сказал я. – Хорошо пойдут под шампанское.

Во дворе нужного мне дома со старыми вязами я рассчитался, уплатив таксисту двойной тариф, на что тот одобрительно крякнул.

– Успехов, сынок, смотри не намотай на винт, – подмигнул мне на прощание.

– Будь спок, отец. Не впервой – ответил я, выбираясь из машины.

Дом, как многие в этом районе, был сталинской постройки, с высоким гулким подъездом, дубовыми лестничными перилами и сороковых годов лифтом.

Тихо гудя, он вознес гостя на четвертый этаж, где я вышел из пахнущей кошками кабины, после чего осмотрелся. На площадку выходили три квартиры.

Пригладив рукой чуб и поддернув штаны, я нажал кнопку на двустворчатой двери с номером пятьдесят шесть (внутри тихо прозвенело). Потом издали процокали каблучки, звякнул замок, и в открывшемся проеме возникла Ольга. С высокой прической на голове, в запахе парфума и шикарном халате.

– Вот, это самое. Приехал, – чуть покраснел я. – Ты приглашала.

– Проходи, Ник, проходи, – рассмеялась она, чуть отступив и запирая двери.

Затем вокруг моей шеи обвили две руки, мы слились в долгом поцелуе.

Мои руки зашарили по упругой груди, «не спеши», прошептали жаркие губы.

Я с трудом выполнил установку, наши тела разъединились, и подруга Норы пригласила меня в гостиную.

Просторную, с картинами экспрессионистов* на стенах, обставленную стильной мебелью.

У углового, светлой кожи дивана, на сервировочном столике красовались бутылка «Кьянти», ваза с фруктами и два бокала; из настенных бра по обе стороны зашторенного окна лился мягкий расслабляющий свет; импортный музыкальный комбайн рядом с пианино, исполнял музыку Поля Мориа. Дополняя идиллию.

– Располагайся, – кивнула мне на диван Ольга, присаживаясь рядом. Я брякнул на столик свое шампанское с конфетами, что вызвало у нее новый прилив смеха.

– А ты возмужал, малыш, – потрепала хозяйка меня по щеке. – Вот что значит армия.

Затем она предложила выпить за встречу, что мы и сделали, после чего немного потанцевали. При этом Ольга сообщила мне, что ее супруг находится в очередной зарубежной командировке в Италии.

– А меня не взял, старый козел, – капризно надула губки.

– Ну, так давай ему отомстим – сказал я, глядя в погрустневшие глаза и поглаживая ее бедра

– Давай, – часто задышала Ольга, увлекая меня в похожую на будуар спальню.

Ну а дальше было все, как в прошлый раз в беседке.

Описывать не буду, дабы не шокировать слабонервного читателя. Короче мы трахались, изредка подкрепляя силы кьянти, а потом шампанским, пока за окнами не засерел рассвет и зашаркала метла дворника.

– Мне пора, – сказал я, в последний раз задвинув красотке, после чего стал одеваться. Ольга оказалась понятливой, и мы быстро распрощались, договорившись об очередной встрече.

Спустя пятнадцать минут я поймал на Горького такси, объявил двойной тариф, и оно метеором понеслось в сторону Балашихи.

Затем был короткий марш-бросок, преодоление полосы препятствий и вползание в окно.

Сокурсники мирно спали. До подъема был целый час, и я, сняв с себя треник*, тоже нырнул под одеяло.

Мне снились Ольга, ее муж с рогами и «Мост над бурными водами»*.

Глава 7. У рыцарей плаща и кинжала

Курс молодого бойца завершился принятием Присяги.

Облаченные в парадные курсантские мундиры с эмблемами войск связи (они были наиболее близки к специфике будущей профессии) слушатели групп второго и третьего факультетов, за исключением десятка отслуживших в армии, стояли в каре* на плацу, поедая глазами начальство.

Оно, в лице генерала Никитченко, его заместителей, а также куратора с Лубянки, монолитно высилось на трибуне, установленной по такому случаю перед зданием главного корпуса.

Между ним и застывшими в строю шеренгами, стояли пять накрытых кумачом столиком с текстами присяги и журналами для учинения росписи.

Для начала, откашлявшись в микрофон, генерал толкнул речь о мощи нашего социалистического государства и его победах, а также той славной лепте, которую внесли в них последователи Железного Феликса.

Затем потребовал от нас быть достойными чекистской славы, после чего приказал начать действие.

Его место тут занял здоровенный дядя в черной форме капитана 1 ранга, как мы узнали позже, то был заместитель по строевой части Александров. Поворочав головой в черной фуражке с позолотой на козырьке, он оглушительно заорал «Смир-рно! К принятию Присяги!».

На фланге задробили барабаны военного оркестра, к столикам прошагали несколько старших офицеров (дробь смолкла), обращаемых стали вызывать по спискам.

Рубя строевым, с автоматами на груди, каждый вставал у столика и брал в руки текст Присяги.

«Я, гражданин Союза Советских Социалистических Республик, вступая в ряды Вооруженных Сил, принимаю присягу и торжественно клянусь быть честным, храбрым, дисциплинированным, бдительным воином, строго хранить военную и государственную тайну, беспрекословно выполнять все воинские уставы и приказы командиров и начальников!..» понеслись в небо ее первые строки.

«Я клянусь добросовестно изучать военное дело, всемерно беречь военное и народное имущество и до последнего дыхания быть преданным своему Народу, своей Советской Родине и Советскому Правительству!..» отдалось эхом от краснокирпичных стен корпуса,

«Я всегда готов по приказу Советского Правительства выступить на защиту моей Родины – Союза Советских Социалистических Республик и, как воин Вооруженных Сил, клянусь защищать ее мужественно, умело, с достоинством и честью, не щадя своей крови и самой жизни для достижения полной победы над врагами!..» вразнобой частили на разные голоса дающие клятву.

«...Если же я нарушу эту мою торжественную присягу, то пусть меня постигнет суровая кара советского закона, всеобщая ненависть и презрение трудящихся!» на высокой ноте завершали они, после чего брали в пальцы ручки, расписывались в журналах за то, что приняли на себя, делали поворот кругом, а потом возвращались в строй. Из которого вызывались очередные.

Непосвященному читателю покажется, что Присяга этот так, очередной красочный спектакль, которыми так любят военные обставлять «тяготы и лишения». На самом деле она хитрый правовой ход, после совершения которого, на любого рекрута распространяются законы военной юрисдикции.

За нарушение Присяги его можно измордовать, посадить и даже расстрелять. В зависимости от желания воинских начальников. Что я отлично знал из своей прошлой практики.

В очередной раз сей священный документ я исполнять не собирался. Хватит. За что боролсь?

А потому, громко отбарабанив текст, про себя сказал «Волобуев, вот вам ...», сделал героическое лицо и учинил не свою подпись.

– Стать в строй! – покосился на нее стоящий рядом полковник, вызывая очередного.

После присяги, определив оружие в пирамиды, мы с песнями отправились на праздничный обед в столовую, где употребили борщ из свежей капусты, макароны по – флотски и компот, а оттуда на такой же концерт в клуб. Туда были приглашены московские артисты.

На следующий день всех присягнувших сфотографировали в криминалистическом классе объекта, а спустя еще два, каждому выдали малинового цвета с гербом СССР удостоверение. В нем значилось. «Имярек такой-то (воинское звание), является слушателем Высшей школы КГБ СССР имени Ф.Э. Дзержинского, а ниже генеральская подпись и печать». Что всех воодушевило.

Мы почувствовали себя настоящими чекистами, и каждому захотелось поймать шпиона, только вот, как и где, было неизвестно.

Такому нас активно стали учить с 1-го сентября, перевезя для начала в Москву, к месту постоянного проживания.

Это был очередной секретный объект «Хавская», укрытый в хитросплетенье улиц на Якиманке*. Как и прежний, он был обнесен высокой оградой, с неприметным КПП, но отличался всеми благами цивилизации.

Там имелось уютное, гостиничного типа общежитие со столовой и кафе, в котором продавалось пиво, классы для самоподготовки в вечернее время, спортивные площадки с клубом и даже бьющий в центре фонтан. Все в зелени деревьев, подстриженной травы и цветочных клумбах.

А еще, в отдельном пятиэтажном корпусе жили и учились «собратья по оружию» из соцстран. Кубинцы, вьетнамцы, поляки и другие. Правда, все в офицерских чинах, не то, что мы, сирые.

Впрочем, обитать на объекте было совсем не обязательно. «Система» всегда отличалась демократизмом, если не было установки повально сажать граждан в лагеря или отстреливать, в связи с чем, нам предоставлялась широчайшая самостоятельность.

К тому имелась и вторая причина. Вычислять морально неустойчивых изначально, освобождая от них ряды, оставляя только «с холодной головой, горячим сердцем и чистыми руками». Как завещал Феликс Эдмундович.

И поэтому тем из нас кто был из Москвы или ближайшего Подмосковья, разрешалось жить дома, а иногородним снимать комнаты или квартиры. Тем более, что стипендия на первом курсе была 75 рублей. С добавлением по червонцу на последующих.

Родина всегда любила «вооруженный отряд Партии», мало в чем ему отказывая. За что и поплатилась. Но это совсем другая тема.

Мы же пойдем дальше. В плане диалектического развития.

Как я уже упоминал, 1 сентября начались занятия в Высшей школе. Эта кузница чекистских кадров, давшая Стране немало героев тайной войны, а в новой России политиков, олигархов и даже Президента, располагалась на Ленинградском проспекте. Рядом с Белорусским вокзалом.

Неприметное, в четыре этажа кубическое серое здание, затененное деревьями со стороны фасада и без вывески на входе, прятало за собой целый комплекс. В нем, скрытые от посторонних глаз, таились учебные корпуса с аудиториями и спецклассами, кафедры хитрых наук, клуб со спортзалом и подземным тиром, а также объекты прочей инфраструктуры.

Обучать профессии, с первых же дней нас стали активно и целеустремленно. Гражданские академии с университетами отдыхают.

В числе общественных дисциплин были научный коммунизм, марксистско-ленинская философия, политэкономия, а также общая и социальная психология, которые дополнялись всеми отраслями права. В числе же профильных – десяток номерных СД*, плюс иностранные языки: китайский, английский и французский.

Помимо этого – стрелковая подготовка из всех видов отечественного и зарубежного оружия, а также неизвестное в то время каратэ (на первом факультете самбо). Заниматься им простым гражданам в СССР запрещалось, на что имелась статья 219 УК РСФСР, по которой можно было загреметь «в места не столь отдаленные» на целых два года.

Столь высокую нагрузку выдержали не все, и уже в первом семестре ряды нашего факультета поредели.

Трех слушателей отчислили за неуспеваемость, а один впал в депрессию и загремел в Кашенко*, откуда не вернулся.

На этот счет в Школе существовало железное правило. Завалил экзамен – отчислят, взяв подписку о неразглашении. И, как говорят, «гуляй Вася». Авторитет высоких пап не помогал. Коррупции в «системе» тогда еще не было.

А потому мы грызли гранит наук вдвойне. Как завещал великий Ленин.

Поскольку в свое первое обучение я жил в общежитии на Хавской, а после лет двадцать обретался на съемных квартирах и плавбазах с гостиницами, в этот раз снял однокомнатную квартиру. Благо средства на то имелись.

Она располагалась в районе станции метро «Динамо» в кирпичной высотке неподалеку от военной академии имени Жуковского и обошлась мне в пятьдесят рублей в месяц, за которые сейчас даже пачку приличных сигарет не купишь.

Хозяйка квартиры – старушка «божий одуванчик», жившая в Подмосковье с детьми, поставила единственное условие: не водить туда женский пол. Что я лукаво обещал, зная обратное.

Умственных и физических затрат организма на изучение спецдисциплин, общественных наук и юриспруденции у Волобуева было намного меньше, чем у обычных слушателей. Что позволило в полной мере отдалиться изучению языков, приоритетным из которых стал китайский.

Ко времени описываемых событий то, что я ляпнул Творцу, у меня конкретизировалось предельно четко.

После бегства в Китай, а точнее его провинцию Тибет, я планировал объявиться ламой, предрекая будущее «сильным мира сего», а заодно странам и континентам. По принципу «воровать так миллион, е... так королеву». Тут было несоизмеримо больше.

Но, вновь изучая наследие классиков марксизма, а в его числе работу Ильича «Головокружение от успехов», Волобуев не предавался эйфории.

Не ограничивая себя курсом, который нам читали бывшие военные и гражданские переводчики, долгое время обретавшие в Поднебесной, в том числе по линии КГБ, я использовал возможности библиотеки ВКШ, бывшей, наверное, одной из лучших в Союзе.

Помимо шедевров мировой классики и документалистики, там имелись дореволюционные издания в первоисточниках, немало художественных раритетов, а также изъятой «контророй» запрещенной эмигрантской и диссидентской литературы. Тех же Набокова, Буковского и Солженицына, последний из которых едва не стал пророком в родном отечестве.

В целях более глубокого знания чуждой нам идеологии, книги диссидентов разрешалось читать со второго курса, по спецдопуску.

Но меня интересовали не они. А все, что было связано с загадочной Крышей Мира*.

Получив в библиотеке «Справочник по Китаю», «Тибетскую книгу мертвых» Юнга, «Семь лет в Тибете» Харрера, а еще «Путешествие парижанки в Лхасу» Давид – я стал их штудировать по вечерам в своей квартире.

О буддизме уже кое-что знал. О Тибете намного меньше.

Как следовало из справочника и книг, написанных достаточно сведущими людьми и малоизвестных в СССР, это была фактически древняя цивилизация. Возникшая в четырнадцатом веке в нагорье Центральной Азии и впоследствии подчиненная Монголией.

В семнадцатом веке глава буддийской (ламаистской) секты гелугпа – далай лама, стал духовным и светским главой страны. Еще через сотню лет Тибет явился объектом притязаний не только со стороны монголов, но и Китая. Верх одержал Китай. Импе-

раторы династии Цин включили Тибет в свой титул, а в его столице – Лхасе стал располагаться небольшой китайский гарнизон.

Далай ламы полностью сохраняли свой суверенитет в отношении внутренних вопросов. После попытки вторжения непальцев в 1792 году, инспирированной англичанами, Тибет был закрыт для иностранцев.

В начале двадцатого века туда были введены британские войска, что мотивировалось необходимостью сдерживать российское влияние, а в 1907 году Великобритания и Россия подписали договор о невмешательстве во внутренние дела Тибета.

В 1910 году китайские войска готовились к вторжению в Тибет, но начавшаяся революция расстроила эти планы. В дальнейшем Китай не отказывался от притязаний на «Крышу Мира», но фактически правление далай ламы было независимым.

Спустя сорок лет китайские войска вторглись в страну. Сопротивление возглавил Далай лама XIV, началась партизанская война, подавленная к 1959 году. Около 90 тысяч тибетцев было убито, Далай лама вынужден был бежать в Индию.

В 1965 году правительство Китая объявило Тибет автономным районом в составе КНР, с запретом посещения его иностранцами. ООН неоднократно принимала резолюции о нарушении в Тибете прав человека, но безрезультатно.

Говоря о тибетских храмах, подразумевают буддийские. Так как буддизм на Тибете называют ламаизм, то тибетские храмы тоже именуют ламасериями.

Тибетские монастыри отличаются особым стилем и этническим колоритом.

Различные направления в буддизме проявляются в особенностях архитектуры. Они позволяют проследить развитие и изменения буддизма в Тибете.

К седьмому веку сюда из Индии попал Посвященный буддизм, от ханьцев перешел буддизм Махаяна. На Тибете они смешались с местной религией Бон – так и был сформирован ламаизм.

В тибетском буддизме особое значение придается Посвященному Буддизму: вера в безжалостный рок вселенной, непостоянство, кару за грехи, реинкарнацию и освобождение от мирских забот.

Ламаисты практикуют монотонное песнопение, жертвоприношение богу и тому подобное. Выдающихся монахов называют «лама». Это очень почетное обращение.

Как сообщалось в моих «учебниках», в седьмом веке жил верующий в буддизм князь Тубо Сунцан Гампо. Он создал тибетский язык, занимался строительством храмов и переводил санскрипты. Все это активно способствовало формированию тибетского буддизма, который постепенно вытеснял религию Бон.

Однако в середине девятого века князь Ландэма начал поощрять верования Бон, борясь с буддизмом. Тем не менее, спустя сто лет, он возродился на Тибете.

Чтобы упрочить свои основы и привлечь больше верующих, буддизм стал впитывать местные особенности.

Из-за различий в обрядах и системе наследования, в одиннадцатом веке тибетский буддизм разбился на четыре основных направления: Красную секту, Цветную, Белую и Желтую секты. Каждая из них обладала своей храмовой организацией и системой изучения сутр.

В конце тринадцатого века, ламы на высшем уровне начали расширять свое влияние над местными политическими силами, стремясь к сращению политики и религии.

Как итог, с началом пятнадцатого века, под управлением Цун Кха – па, Желтая секта провела реформу. Постепенно она усиливалась и позже, при поддержке императорской династии Цин, стала контролировать политическую и религиозную жизнь Тибета.

Желтая секта практиковала последующее воплощение двух живых Будд. Один из них – Далай лама, а второй – Паньчень. Нынешний Паньчень уже 11-й по счету.

Тибетский буддизм распространился среди жителей Сычуани, Цинхая, Ганьсу и Внутренней Монголии, а также в Бутане и Непале. Он оказал огромное влияние на историю, культуру и экономическое развитие Тибета.

Тибетские храмы важны не только для проведения обрядов, но и для глубокого изучения и понимания культуры, истории тибетцев.

В сорока километрах от столицы Тибета – Лхасы расположен монастырь Гандэн, основанный в 1409 году. Он является одним из самых святых мест тибетского буддизма, сохранившим многовековые обряды и убранство. Его название в переводе означает «радостный», а также является синонимом «западного рая», известного как Тушита, обитель Майтрейи, Будды Грядущего.

Гандэн был первым монастырем ордена гелугпа и с момента его основания оставался главным его центром. После смерти Цзонхавы настоятелями монастыря стали два его первых ученика Гьяцаб Дже и Кедруб Дже.

Изображение Цзонхавы и его двух первых учеников встречаются в Гандене повсеместно.

Политическое влияние этого монастыря было очень значительным, и он более других пострадал во время антикитайского восстания в 1966 году, но после был восстановлен.

В справочнике и книгах было еще много чего, но я привожу только краткий конспект, сделанный для улучшения восприятия.

Учеба шла полным ходом, мы стали изучать западные разведки, а также формы и методы их деятельности. Помимо штатных преподавателей их освещали профессионалы, ставшие за границей «персонами нон грата». В том числе Рудольф Абель, Конон Молодой и Ким Филби.

Теория перемежалась практикой.

В явочных номерах гостиницы «Россия» мы занимались учебными вербовками, на улицах столицы под пристальным оком ветеранов «семерки»* отрабатывали приемы наружного наблюдения и осваивали шпионскую технику. А еще обучались на полигонах ОМСДОНа* способам захвата диверсантов противника, ориентированию на местности, а также многому другому.

Учили слушателей и основам артистического искусства. Поскольку каждый контрразведчик, как и его антипод*, должен уметь перевоплощаться. В умного, глупого, доброго и злого. Короче, в зависимости от обстановки. Лицедейству обучал заслуженный артист РСФСР Валерий Носик. Впоследствии ставший народным.

Как и в первый свой заход, теперешний Волобуев входил в число лучших слушателей факультета. Зачеты сдавал с первого раза, курсовые работы и экзамены на «отлично». Никита уверенно шел на золотую медаль, что давало право выбора места службы, но этого было мало. Следовало подстраховаться.

Тогда я впервые решил воспользоваться знанием будущего. Покопался в голове и вспомнил, что зимой текущего года (на дворе стояла осень 1973-го) нас привлекут к поимке злодея, расклеивавшего по ночам в столице антисоветские листовки.

А чтобы у читателя не возник вопрос «с какого перепугу?», разъясню. Слушатели Высшей школы относились к оперативному резерву КГБ СССР и регулярно привлекались к подобного рода мероприятиям.

В дни посещения государства лидерами других стран, наши орлы стояли по пути следования кортежей в числе радостно встречающих их москвичей, размахивая флажками и крича «хинди руси бхай-бхай!» или что другое, в зависимости от момента; на 1 мая и 7 ноября – в первой линии перед мавзолеем Ильича на Красной площади вместе «десяточниками»*, следя, чтобы никто из ликующих граждан не метнул бомбу в Леонида Ильича; а если возникала напряженность в отношениях с той или иной капстраной, метали булыжники в их посольства под личиной советских студентов, возмущенных происками империализма.

Искомый злодей несколько месяцев вершил свое гнусное деяние, причем в центре. УКГБ по Москве и области сбивалось с ног, пытаясь его отловить, но не получалось. Это стало известно в Кремле, где естественно возмутились. Такие происки и в самом сердце!

Тогда от Председателя, каковым тогда являлся товарищ Андропов, последовала команда задействовать резерв. Накрыть, так сказать, широкой сетью.

И через неделю, перед рассветом, супостата повязал сидевший в засаде одного из подъездов дома в месте его вероятного появления, слушатель ВКШ. Герою (фамилию я забыл) вручили медаль «За боевые заслуги» собрав всех в актовом зале. А операцию, так всегда водилось, потом тщательно разобрали. Для внедрения в практику.

Сосредоточившись, как учили, я поскрипел извилинами и вспомнил ее детали. В том числе места обнаружения листовок, а заодно маршруты движения преступника.

Дело оставалось за малым. Дождаться зимы и в оперативном наряде опередить своего коллегу.

Когда на Москву лег первый снег, все так и случилось.

Одним днем (после самоподготовки) нас собрали в актовом зале, и приехавший с Лубянки куратор сообщил об ожидаемом мною государственном преступлении

– Вот гад, – прошелестело по рядам. – Что делает.

Далее он поставил задачу, слушателей расписали по группам, и в ночное время по Москве были организованы засады.

Я попал в одну из таких, которая находилась неподалеку от известного мне места, и на третью ночь все свершилось.

В полночь мой сокурсник Витя Милютин, отошел отлить к мусорным бакам, а Никита, притопывая ботинками на морозе в арке дома и проклиная все не появляющегося Каина, хотел закурить сигарету.

– Чу? – раздались за углом шага, а потом смолкли.

Я осторожно высунул голову наружу.

Впереди, метрах в десяти, серела тень, лапая руками стену.

«Он» – прошептал внутри чекист, «лови!» – заорал прокурор, и я выметнулся из-под арки.

Тень шарахнулась вперед, уронив какую-то жестянку, но было поздно.

Я с набегу подсек ей ногу, убежавший загремел на тротуар, усыпав его листками.

– Попался сука! – засопел рядом Витя.

Мы быстро скрутили пойманного, дотащили до ближайшей телефонной будки и, набрав известный номер, вызвали опергруппу. Он оказался тем, кого искали.

Ну а дальше, как и следовало быть. Волобуеву медаль, Милютину грамоту от Андропова.

– Так, – довольно потирал я руки. – Одна есть, теперь надо вторую, за успешное окончание школы, а потом проситься отправить «за бугор». Типа, за боевые заслуги.

Впереди было еще два года и следовало не снижать темпов.

На четвертом курсе Волобуев, как и другие слушатели, вступил в ряды Руководящей и Направляющей, что являлось дополнительным свидетельством преданности делу, а еще записался по месту жительства в ДНД*, принимая, таким образом, участие в общественной жизни.

Языками к тому времени мы владели довольно прилично, поскольку для совершенствования в них, разрешалось общаться с иностранцами. А точнее туристами, посещавшими исторические места столицы.

Делалось это довольно просто. Слушателей внедряли в ту или иную группу под видом студентов инъяза МГУ*, и мы там «чирикали» с нерусскими о том, о сем. Отрабатывая чистоту речи.

Таким образом, все шло хорошо. Но отношениях с Ольгой случился облом. Самым досадным образом.

При одной из встреч в ее квартире, когда мы занимались тем, чего «не было в СССР», в неурочный час вернулся муж, ставший трезвонить в двери. Пришлось срочно ретироваться в одних штанах на балкон, оттуда на стоящее рядом дерево, а потом вниз и делать ноги.

Намечался рассвет, Москва еще спала, на Садовом бесполезно мигали светофоры, а я шлепал босяком в сторону Маяковки.

Потом меня догнала милицейская «канарейка», оттуда высунулся сержант и подмигнул – что, догулялся?

– Вроде того, – вздохнул я. – Подбросьте ребята до Динамо.

– Садись, – послышалось в ответ, и патруль мне помог. Тогда милиция была добрая.

Ольга же на звонки больше не отвечала. Явка была провалена.

Половину пятого курса мы стажировались на местах – в областных территориальных управлениях. Я попал в УКГБ по Приморскому краю. Там, помимо оперативной практики, регулярно общался с местными китайцами, шлифуя язык, а также изучая их обычаи.

А еще принял участие в интереснейшей оперативной разработке. Она заключалась в выводе нашего агента-нелегала, заброшенного по линии военной разведки ГРУ в Китай. С которым у СССР к тому времени были весьма напряженные отношения.

Пару лет назад нелегала высадили с подводной лодки на побережье Гонконга для ведения подрывной работы. В целях же ее обеспечения, в указанном городе наши дипломаты заложили два тайника с долларами на изрядную сумму.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.